

Юлианна Клермон

МАЛИНКА

для хулигана

БАЙКЕРЫ | ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ | НАГЛЫЙ ГЕРОЙ | НЕВИННАЯ ГЕРОИНЯ

Юлианна Клермон

Малинка для хулигана

<https://litres.ru/74378723>

Аннотация

МНЕ НЕЛЬЗЯ БЫТЬ С ТОБОЙ, НО ЭТОТ АВГУСТ БУДЕТ ЖАРКИМ

Я была влюблена в него ещё со школы. Глупо, тайно, безнадёжно. Но он не обращал на меня внимания и однажды уехал. Как мне казалось, навсегда.

Я не смогла его забыть.

И вот мы снова встретились – спустя долгие пять лет. Но теперь он ведёт себя иначе – нагло, дерзко, открыто.

Потому что теперь всё иначе – мы взрослые.

И нам... можно всё.

Горячо. Дерзко. Без тормозов. ✓ ХЭ обязателен ⚠ 18+

Третья книга цикла «Любовь вне расчёта»

Все истории автономны

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	63
Глава 9	72
Глава 10	80
Глава 11	88
Глава 12	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Глава 1

– Милка, ты что ли? Не увидел бы рядом с мамой, в жизнь бы не признал. Здравствуйте, Татьяна Егоровна.

Замираю всего на мгновение, а потом оборачиваюсь.

Смотрю в наглые карие глаза, фиксирую насмешливо изогнутые губы и непослушную чёлку, которая за последние годы стала немного короче, но от этого не перестала смотреться так же дерзко.

Боже... Он вернулся. Вернулся!

Ненавижу своё сердце. Ведёт себя так, будто я снова подросток. Долбит в грудную клетку.

И наглеца этого тоже... ненавижу.

Оглядывает меня. Медленно, оценивающе. Скользит глазами по скулам, губам, задерживается на открытых ключицах и возвращается назад.

Тысячи раз видела этот его взгляд, направленный на других.

Невероятным усилием воли беру себя в руки.

– Привет, Бот. Тебя уже выпустили? – спрашиваю и даже умудряюсь слегка иронично приподнять бровь.

– Дембельнулся, если ты об этом, – ухмыляется он. – А тебе, смотрю, до дембеля ещё далеко.

Кивает на маму, которая стоит, молча поджав губы, и

сверлит его недовольным взглядом.

– Здравствуй, Захар. С возвращением. Извини, нам некогда, – она перехватывает меня за локоть и тянет к машине.

Не двигаюсь. Не могу себя заставить.

– Милена, пошли, – снова цедит мама, понижая голос и добавляя в него стальные нотки. – Нечего стоять посреди улицы.

– А я не стою, – неотрывно смотрю на Захара. – Я разговариваю.

– Вот дома с тобой и поговорим, – ей всё-таки удаётся меня уволочь.

Ухожу на ватных ногах, лопатками ощущая его жгучий интерес.

– На Пятак вечером приходи, – доносится в спину насмешливое. – Договорим.

Угу. Обязательно приду. Но не потому, что ты там будешь. Просто... просто я всегда туда хожу.

– Садись в машину, – раздражённо выдыхает мама, пикая брелоком сигнализации.

– Или тебе надо у мамы спросить разрешения? – не унижается Захар, слегка повышая голос – так, чтобы я точно услышала издевательские нотки. – Могу отпросить. Правда, Татьяна Егоровна? Отпустите взрослую дочь на взрослую вечеринку?

Хочу обернуться и ответить как-нибудь поязвительнее, но под суровым взглядом мамы только расправляю плечи и

быстро сажусь в машину.

– Захар, занялся бы ты делом. У тебя цветы вянут. Отец будет недоволен, – чеканит мама, нервно кинув пакеты на заднее сиденье и сильнее нужного хлопнув дверью.

Пока она садится и заводит машину, кидаю короткий взгляд через окно на фургон «Цветы Приволжья» – и тут же отворачиваюсь, наткнувшись на прямой взгляд Захара.

Позёр. Даже не думает делать вид, что занят работой. Поигрывает ключами и скалится, щурясь от яркого августовского солнца.

Знает, что хорош, зараза. И пользуется.

Он и в восемнадцать был очень даже, а спустя пять лет будто в плечах шире стал. И ещё выше. Чёрная боксёрка ничего не скрывает, наоборот, ещё больше подчёркивает. И опять эти старые дурацкие джинсы... Как будто ему надеть нечего.

Хмыкаю.

Захару Чеботарёву, сыну владельца сети цветочных магазинов и множества киосков, нечего надеть? Нет. Ему просто пофиг, что о нём думают. Одевается, как хочет. Говорит, что хочет. Ведёт себя, как...

– Как был раздолбаем, так и остался, – поддакивает моим мыслям мама, выруливая от торгового центра на дорогу и вклиниваясь в общий поток. – Такие, как он, никогда не взрослеют. Как хорошо, что Кирилл уехал. Мне никогда не нравилась их дружба. И ты не смей даже подходить к нему.

Она вдавливая педаль газа в пол и резко выворачивает в левую полосу, получая недовольные сигналы от едущих сзади машин.

Молча смотрю на дорогу.

Когда мама психует, лучше перемолчать. Когда мама психует из-за семьи Чеботарёвых, лучше находиться на другом конце континента.

– Ты меня поняла, Милена? – она снова давит авторитетом.

– И не собиралась, – бросаю равнодушно и на всякий случай даже кривлю губы, демонстрируя, насколько мне всё равно.

– Вот и хорошо.

Мама кидает на меня обеспокоенный взгляд, но кажется, не замечает ничего лишнего.

Дальше едем молча, сворачиваем в частный сектор и въезжаем в большие раздвижные ворота.

Помогаю маме занести пакеты и, пока она не начала снова учить уму-разуму, убегаю на второй этаж.

Залетаю в свою комнату и сразу выскакиваю на балкон.

Несколько минут стою неподвижно, выравнивая дыхание и рассматривая большой двор с множеством ярких разноцветных клумб – мамино хобби.

Вернулся на мою голову.

Дембель, блин.

Вот и дембелит бы обратно в свой Питер. Чего после ар-

мии сюда припёрся? Мёдом ему намазано в нашем районном городке?

Или специально к отцу приехал – на пару с ним жизнь всем портить?

Валил бы к Кирюхе в Москву.

Брат после универа там остался. Мог бы и дружка к себе позвать, раз тому в Питере разонравилось. В столице девчонки побольше. Есть где разгуляться.

Хотя ему и здесь было, где...

Пинаю ни в чём не повинный столбик перил и возвращаюсь в комнату.

Хватит о нём думать. Вернулся и вернулся. Мне абсолютно всё-рав-но.

Переодеваюсь и ухожу помогать матери готовиться к завтрашнему дню. И зачем она столько гостей позвала? Тоже мне, праздник...

Возвращаюсь в комнату только к вечеру. За день жара так и не спала. В комнате пекло.

Закрываю балконную дверь и задёргиваю шторы. Надо было сделать это раньше. Но то ли было лень, то ли кое-кто бесячий вывел меня из равновесия.

Открываю шкаф, молча рассматриваю вещи.

Чёрные шорты и белая футболка с неоднозначным принтом, чтобы сразу понял и отвалил?

Нет.

Джинсы и чёрная футболка? Я на похороны собралась?

Ага, закопаю кое-кого и погрузу над холмиком.

Раздражённо хлопаю дверцей и падаю на кровать.

Лежу, рассматривая потолок.

Как же хорошо без него было. Тихо, спокойно. Как в больнице. Пять лет не видела, и ещё столько же не видеть.

– Милена, иди ужинать, – доносится снизу голос мамы.

– Не хочу, – кричу и снова подхожу к шкафу.

В платье, что ли, выпендриться?

Ага, чтобы все сказали: Милка, у тебя совсем крыша съехала?

Быстро перебираю вещи.

– Это нет... Это бред... О.

Вытаскиваю короткие джинсовые шорты.

– Нормально. И вот это сюда.

Быстро натягиваю шорты и майку в облипку, скручиваю каштановые пряди в дурацкую гульку и провожу по губам блеском.

В конце концов, кого я там удивлять собралась? Я что, на свидание иду? Шёл бы он лесом. Ходила на Пятак, и буду ходить. И он здесь вообще ни при чём. А почему одежда провокационная? Да просто... жарко.

– Мам, я пойду с Марго прогуляюсь, – сбегая по лестнице, сую ноги в кеды и, пока она не успела остановить, вылетаю на улицу.

Мне завтра двадцать лет, а такое ощущение, что всё те же пятнадцать. Сбегаю как подросток.

– Милена, вернись! Я с тобой ещё не договорила, – доносится в спину.

Быстро ныряю за калитку.

Знаю я эти разговоры. Тысячу раз слышала. И сегодня за полдня мне уже всю кукушку проела.

О, уже звонит.

Кривлюсь, но беру трубку. Выслушиваю строгие нотации.

– Да, мам, я знаю. Да, поняла. Нет, не буду к нему подходить. Ну мам, я же обещала.

Главное – не спорить.

С облегчением сбрасываю звонок и тут же набираю Марго.

– Привет. Мы как обычно?

– О, Милка, а что так рано? Я ещё в процессе, – тянет подруга, усиленно пыхтя.

– В смысле, в процессе? Мы с тобой на девять договаривались.

Кидаю взгляд на часы. Без десяти.

– А щас сколько? Ой, блин... Слушай, дай пятнадцать минут, и я как штык.

– Пятнадцать минут.

Отключаюсь.

Штык, блин. Хоть бы раз вовремя собралась.

Быстро иду по тротуару, прикрытому от солнца густыми кустами акации. Иногда киваю знакомым или вышедшим погулять соседям. Свернув между домами, прохожу короткой

дорогой и снова перезваниваю Марго.

Не успевает.

Я даже не сомневалась.

– Короче, придёшь сама. Буду ждать тебя у “Сладкоежки”. Если к половине тебя не будет, значит, я ушла. Встретимся на Пятаке.

Забегая в магазин, беру воду без газа.

С ума сойти, жара. Даже асфальт плавится.

Немного не дойдя до набережной, останавливаюсь у киоска с мороженым. Рассеянным взглядом рассматриваю витрину.

Звуки музыки слышны даже отсюда. Ещё солнце не село, а Пятак уже гудит.

Иногда мимо с диким рёвом пролетает какой-нибудь придурак на байке, и я дёргаюсь.

Не люблю эту технику. Больше нет. Как в пятнадцать отрезало, так больше ни разу не садилась.

Пишу Марго, и она наконец отвечает, что уже вышла.

Да неужели?

Достав воду, делаю несколько глотков и провожу прохладной влажной ладонью по разгорячённой шее. Лето словно взбесилось. За тридцать даже после захода солнца.

За спиной, тихо рыкнув мотором, останавливается какой-то байк. Ещё несколько проносятся мимо.

– Полудурки, – хмыкаю, убрав бутылку в рюкзак и рассматривая железных коней с восседающими на них байкера-

ми в кожаных штанах. – У вас там ничего не сгорит?

– Если только ты подожжёшь, – раздаётся шёпотом прямо в ухо.

Внутри всё предательски сжимается.

Резко разворачиваюсь и попадаю в капкан.

Горячие ладони обжигают спину. Острый насмешливый взгляд скользит сверху вниз, колет иголками, проникая куда-то под рёбра. Уголок губ дёргается в знакомой, самоодвольной улыбке.

– Ну привет, малинка. Соскучилась?

Глава 2

– Не обольщайся, Бот. Только не по тебе, – хриплю вмиг пересохшим горлом.

Упираюсь ладонями ему в грудь, пытаюсь оттолкнуть.

Внутри паника, в голове полная муть.

Запах от него одуряющий. Не какой-то там дорогой специализированный парфюм – Захар с этим никогда не заморачивался. От него пахнет тёплой кожей, дорожной пылью и немного бензином. Совсем как раньше.

Бесит.

– Да? А жаль, – в карих глазах вспыхивает огонь, руки перехватывают сильнее, вдавливают меня обратно.

– Лапы убери, – цепляюсь за его запястья. Широченные, блин. Не обхватишь. Чем их там пичкали в этой армии? Сталлоне на выгуле. – Кто тебе сказал, что меня можно лапать?

– Да ладно, – он ухмыляется ещё шире. Ему мои попытки как слону дробина. – Разве я лапаю? Мы просто разговариваем. Как старые друзья. Мы же не закончили днём. Ну так что? Поболтаем? – подмигивает. – Кирюха писал, что ты в область уехала, на юрфаке учишься. Какой курс, малинка? Третий уже? Выросла как, а?

Он склоняется всё ниже. Дышит неровно. Бродит чёрным

взглядом по моему лицу, опускается на губы и снова возвращается к глазам.

– Сбежала из-под мамкиной юбки? Или она и там пасёт, женихов отбивает? М? – криво усмехается, прищурившись.
– Много у тебя женихов? А, малинка?

Вот и как от него отделаться, если от его близости, запаха, взгляда, голоса, от того, как прижимает жадно, собственнически – да вообще от всего – дыхание сбивается, и мысли в пляс?

– Не твоё дело. Сколько есть, все мои.

Собираю мозги в кучу и отклоняюсь, продолжая хвататься за его запястья, потому что наглые руки уже шарят по талии и опускаются немного ниже, поглаживая, сжимая и намекая на недвусмысленность намерений.

– Пусти меня.

– А то что? Закричишь?

Захар хмыкает и вдруг резко склоняется к плечу. Основание шеи обжигает острый, колющий поцелуй.

И ещё один.

Ещё острее.

Тело прошивает насквозь. Меня выгибает.

Ловлю ртом воздух, окончательно сбиваясь с дыхания.

– Покричишь для меня, малинка?.. – шепчет он, мягко прикусывая мочку уха.

– Нет... – пытаюсь сказать, но вместо этого с губ срывается тихий протяжный стон.

Это нужно остановить. Но я не могу.

– Охренеть... – он продолжает терзать моё ухо, ведёт приоткрытыми губами по скуле, – я так и думал.

Мозг резко куда-то уплывает.

Что?.. Что он думал?..

Жадные лапы сжимают ягодицы, и неожиданно я взлетаю вверх. Невольно охаю, хватаясь руками за широкую шею и обвивая ногами его бёдра.

– Не-е на... – бормочу, делая непонятные попытки слезть с Захара.

– Правильно... Не надо... – он ведёт короткую дорожку поцелуев по щеке, а потом резко впивается в губы.

Не даёт сказать. Не даёт никакого шанса. Вообще.

Шаг, и я не понимаю, как мы оказываемся у закрытой задней двери киоска.

Пятак совсем рядом, музыка грохочет с той же силой, по дороге один за другим проносятся байки. А мы здесь будто закрыты от всех пыльными кустами акации и высоким забором частного сектора.

Захар вообще времени даром не теряет.

Вжав меня в стену, одной рукой придерживает запястья, подняв их над моей головой, а другой шарит по телу.

Ведёт губами по шее, плечам, ключицам, скулам.

– Стой... – выставляю едва слышно, вздрагивая от остроты ощущений.

– Блядь... сладкая какая... – шепчет он в губы и целует.

Поглощает меня. Целиком.

Это так... так... м-м...

Я теряюсь, куда-то проваливаюсь, полностью отдаваясь во власть этой первобытной дикости.

Ничего не соображаю, ни о чём не думаю. Покорно открываю рот, позволяя горячему языку делать со мной всё, что хочет.

Сердце колотится с бешеной скоростью.

Хватаюсь за напряжённые плечи, скребу ногтями кожу. Зарываюсь пальцами в волосы.

Когда он отпустил руки?

И почему они не бьют, а гладят? Поощряют...

Это неправильно. Так нельзя.

Нам нельзя.

Прихожу в себя, понимая, что по-прежнему вишу в воздухе, зажатая между киоском и телом Захара, и крепко обнимаю его ногами.

Он гладит меня, целует и... трётся. Совсем недвусмысленно. Мягко, но настойчиво подаётся вперёд. Словно танцует.

И я, по идее, должна сопротивляться, кричать... Должна остановить это всё.

А я...

Я, блин, танцую вместе с ним.

Охренеть... Я что, совсем долбанулась?..

– Тормози... – сбивчиво бормочу, уворачиваясь от обжигающих кожу поцелуев. – Нет, Захар... стоп... хватит...

Нет...

– Малинка, слушай, ну что ты бузишь? – он с неохотой отрывается от моей шеи.

Тяжело дышит, смотрит безумным взглядом.

Его сердце бьётся так мощно, что ударяется о мою грудную клетку, глаза горят, руки жгут ягодицы, под которые он меня так по-хозяйски держит, буквально впечатываясь пальцами в кожу.

– Отпусти, – поджимаю губы.

Меня всё ещё потряхивает. Приходится прилагать невероятные усилия, чтобы вернуть хотя бы часть контроля. Хотя бы над мозгом. Или что там у меня сейчас плещется в голове?

– А то что?

– А то... брату пожалуюсь...

Идиотский аргумент, но неожиданно он помогает.

Захар опускает меня на землю. Медленно и как-то неохотно. Но не отстраняется. Каждой клеточкой кожи ощущаю его возбуждение.

– Я, может, к твоей маме в зятя набиваюсь, – прищуривается, снова подаваясь вперёд.

– Ты совсем придурок? – вспыхиваю. – Моей маме зять не нужен.

Идиотина. Как я могла позволить ему такое? Ему!

Чурбан непробиваемый. Кобелина! Раздолбай!

Хочу вывернуться, вот только ничего не получается.

– Вообще? Или именно я не устраиваю? – скалится.

Следит за моими жалкими попытками сбежать. В глазах полыхает что-то жёсткое.

Бесит эта его вечная ухмылочка.

Потому что ему пофиг. Всегда и на всех. Никогда не интересуется чужим мнением. Хочет – делает. Хочет – берёт. Хочет – говорит. И никакого фильтра в голове. Никакого понимания, что другим от этого может быть неприятно или... больно.

– Вообще. И ты – в частности, – упираюсь ему в грудь и пихаю изо всех сил.

Не знаю, как мне удаётся, но я сдвигаю его буквально на пару сантиметров. И этого хватает.

Выскальзываю из его рук, ныряю под локоть и вылетаю на тротуар, едва не сбив с ног каких-то девчонок.

– Эй, малинка, – несётся вслед, – если что, мы ещё не договорили. А насчёт зятя – ты подумай.

– Да пошёл ты со своими разговорами, – кричу, не оборачиваясь.

И с зятем тоже. Придурок.

Хочется пнуть его поблёскивающий хромом расфуфыренный байк.

Отомстить, что ли?

Нет. Я ещё не до такой степени двинутая, чтобы воевать с техникой.

Нужно просто держаться подальше от этой татуированной

горы мышц.

Несусь по набережной. Лавирую между хохочущими стайками молодёжи, степенно прогуливающимися парами и женщинами с детьми.

В рюкзаке вибрирует телефон.

Хватаю не глядя.

– Милка, ты где, блин? – вопит в трубку Марго. Слышу на заднем плане грохочущую музыку. – Я тут одна, как debilка, болтаюсь.

– Да бегу я. Пять минут.

Сбрасываю звонок.

Ныряю за угол большой крытой террасы и выскакиваю на площадку.

Здесь уже вовсю кипит жизнь.

На открытой сцене долбят колонки. Те, кто поближе, танцуют, но в основном все тусуются группками по интересам.

Парковка постепенно забивается машинами.

В самом конце, ближе к лесу, как обычно, кучкуются байкеры и прочие любители двухколёсного железа. Машут руками, что-то объясняя друг другу, иногда рывкают мотором, перекрывая музыку.

Перехожу на шаг. Поправляю растрепавшуюся гульку.

Ненавижу байки. И их хозяев тоже. Особенно одного.

Марго нахожу у длинного деревянного стола под старым клёном. Здесь всегда собираются те, кому не хочется лезть в толпу перед сценой. Подруга держит в руках пластиковые

стаканы с чем-то ярко-оранжевым и болтает с ребятами.

Подхожу и киваю, приветствуя.

– Ты где была? – она пихает мне в руку стакан и оглядывает с ног до головы. – И что у тебя с лицом?

– А что у меня с лицом? – невольно прикладываю ладонь к губам, провожу тыльной стороной по щеке.

– Это я у тебя хотела спросить. Чего такая красная? За тобой черти гнались? Или заболела?

– Ага. Почти, – киваю, скидывая рюкзак и доставая из кармашка зеркальце.

Вот балда. Надо было это раньше сделать.

Рассматриваю себя. Лицо красное, губы опухшие, глаза блестят.

Блин блинский...

– Температура, что ли? – подруга ставит стаканчик на стол и приближает своё лицо к моему. – Милка, с тобой реально что-то не то.

Согласна на все сто. Со мной сегодня весь день всё не то. Как придурка этого увидела, так “не то” и началось.

За спиной раздаётся громкий рёв мотора. Невольно вздрагиваю, оборачиваясь.

И кажется, это “не то” не собирается заканчиваться...

К байкерам подъезжает печально знакомый мотоцикл.

Цепляюсь глазами за длинные пальцы, уверенно держащие руль, чёрные растрёпанные волосы, привычно наглую хозяйскую усмешку.

Баранище.

Захар глушит двигатель, поднимает голову и неожиданно находит меня взглядом.

Не успеваю отвернуться.

Он лыбится ещё шире и вдруг... подмигивает.

– Хрена се... – растерянно шепчет Марго, пихая меня под локоть. – Милка, а это чё, Бот вернулся? Пипец...

Ага, ещё какой...

Глава 3

Делаю резкий разворот на сто восемьдесят.

Кажется, лицо пылает ещё ярче.

Припёрся.

Конечно, этого следовало ожидать. Любимый байк, любимые байкеры.

– Пошли потанцуем, – тяну Марго за руку. Подальше отсюда. Ибо нечего мне тут... подмигивать. – И рот захлопни – ворона влетит.

Она только успевает подхватить свой стакан и идёт, увлекаемая мной.

– Слушай, Милк, а мать твоя в курсе? – не выдержав, Марго немного забегают вперёд, смотрит не без любопытства.

По носу ей щёлкнуть, что ли? Чтобы не совала его, куда не следует.

– В курсе чего?

– Ну это... Что Чеботарёв вернулся, – кивком указывает мне за спину и на секунду задерживается, словно рассматривает что-то очень интересное. Точнее, кого-то.

И мне даже гадать не надо, кого. Такое впечатление, что туда сейчас весь Пятак пялится.

Конечно. Звезда вернулась.

– В курсе. И что? – стреляю в подругу злым взглядом. –

Кирюха в Москве. А больше ей беспокоиться не о чем.

— А... — снова открывает она рот, но я не слушаю. Огибаю её, делаю большой глоток газировки, чтобы хоть немного остудить разгорячённые нервы, кидаю стакан в мусорку и ныряю в толпу танцующих.

Пробираюсь в самый центр, изредка кивая знакомым.

Музыка бьёт по ушам, но именно это мне сейчас и нужно — выбить из головы все мысли и вопросы.

Желательно ещё и воспоминания.

Но здесь уж как повезёт.

Марго хвостом мчится за мной, и вот мы уже танцуем среди таких же динамичных и немного сумасшедших ровесников.

Подруга изредка кидает на меня заинтересованные взгляды, но понимает, что говорить на тему нелюбви семьи Малиных к семье Чеботарёвых я не хочу.

Постепенно настроение ползёт вверх.

Я расслабляюсь, визжу вместе со всеми на особо высоких нотах, подмигиваю Марго, смеюсь и скачу в ритме танца, взрываюсь в унисон с толпой.

Сердце бьётся быстро и неровно, щёки горят, по крови со сверхзвуковой скоростью бежит адреналин. И это всё от музыки, драйва и динамичных движений, а не от... Да, однозначно от музыки.

Как-то незаметно небо темнеет. Над площадкой загораются фонари. Веселье в самом разгаре.

– Милк, пошли чего-нибудь выпьем, – Марго склоняется к уху, перекрикивая очередной модный хит. – В горле пересохло.

Отрицательно мотаю головой.

Не хочу идти. Чтобы попасть к киоскам, нужно пройти мимо стоянки. А я не хочу проверять, что там делает вконец оборзевший Бот.

Это же надо, схватил, затащил, припёр к стене. Да что он вообще о себе возомнил? Я ему что, одна из этих его бесконечных подружек? Перетопчется.

Правильно мама говорит – от осинки не родятся апельсинки.

Вот и нужно держаться от него подальше.

В какой-то момент динамичные басы сменяются тихим и лиричным медляком. Отползаем с Марго немного в сторону, освобождая место романтично настроенным парочкам.

Достаю из рюкзака воду и пихаю Марго в руки. Она делает несколько больших жадных глотков. Забираю бутылку, собираясь тоже попить...

А дальше я вообще не понимаю, как всё происходит.

В момент, когда я подношу бутылку ко рту, кто-то внезапно перехватывает меня за талию и тянет назад, одновременно плавно, но быстро разворачивая.

Пальцы непроизвольно сжимают тонкий пластик.

Хлобысь.

Расширенными от изумления глазами смотрю в такие же

изумлённые глаза Бота. Вода крупными каплями стекает с чёлки и повисает на длинных, изогнутых ресницах, течёт по щекам на шею и капает на футболку.

Откуда-то сбоку доносится испуганный писк Марго.

– А... Э... М... – выдаю набор звуков, разжимая пальцы и отводя в сторону руку с почти пустой бутылкой.

Вот это я дала. И прямо в лицо. Точное попадание.

– Ну ты даёшь, малинка, – вторит моим мыслям Захар.

Даже не пытается вытереться. Так и продолжает крепко прижимать меня к себе.

– Да ты... ты сам подставился, – бормочу, хлопая ресницами.

Не, ну а чего он меня хватает? Нормальная реакция на внешний раздражитель. И пусть только сейчас слово против скажет, я его в асфальт закатаю.

– Согласен. Старею, – он запрокидывает голову и откровенно ржёт, а я оглядываюсь.

И только сейчас замечаю, что на нас смотрят. Пара девченок с изумлением и испугом, но большинство – с неприкрытым восхищением.

И восхищаются они явно не моим героическим поступком – ещё бы, плеснуть водой в лицо самому Боту, задире и хулигану, – а им самим. Красивым, уверенным. Сексуальным... чего уж там.

Да вряд ли найдётся кто-нибудь, кто здесь его не знает. И вряд ли найдётся хоть одна девчонка, которая не мечтала бы

обратить на себя его внимание. Что тогда, что сейчас.

Вон, даже Марго – бывшая одноклассница, и единственная, кто знает правду, до сих пор стоит неподвижно и пускает на него слюни. Ещё минута такой реакции, и я ей выдам слюнявчик.

– Что ты ржёшь? – окрысиваюсь на Захара. – Мозг на солнышке перегрелся? Ещё холодненькой плеснуть?

– Да мне как-то хватило, – он перестаёт смеяться в голос, но продолжает скалиться.

– Тогда чего хватаешь? – фыркаю. – Больше схватить некого?

– Ну почему же? Есть кого, – он незаметно, мягко, но от этого не менее настойчиво куда-то меня утягивает. И я этого почти не понимаю, потому что он плавно движется спиной вперёд, а я вроде бы топчусь на месте, но почему-то оказываюсь всё ближе к танцполу.

– Ну вот и хватай, – рычу, прищурившись, и собираюсь двинуть ему бутылкой куда-нибудь да побольнее. Желательно в наглую довольную рожу.

– Так я и схватил.

Не знаю, может, у меня всё на лице написано, но Захар перехватывает бутылку, кому-то её пихает и кладёт мою руку себе на грудь. Не на плечо – на грудь. Так, что я ощущаю, как мне в ладонь мерно и гулко бьётся его сердце. Вторая ладонь тонет в его лапище.

– Потанцуем?

– Не собираюсь я с тобой танцевать, – мстительно вонзаю острые коготки в кожу прямо через футболку и с огромным удовольствием наблюдаю, как Захар едва заметно морщится.

– Малинка, что же ты такая колючая? Или тебе нравится делать мне больно? – горячая ладонь, исчезнув с талии, тут же перехватывает запястье и возвращается назад. Вместе с моей рукой.

Я опять в капкане. Опять.

Обе руки зажаты Захаром – не крепко, не больно, но так, что не вырвешься. Тело прижато к его телу. Но то, что мы делаем, нельзя назвать танцем. Мы движемся. Но как? Почти незаметно, неощутимо. Для танца неощутимо. А вот телом я ощущаю всё. И движение между нами есть. Хотя я больше назвала бы это вибрацией. Высокочастотным током.

И мне бы надо вырваться. Дать ему ногой по колену и сбежать. Закричать – в конце концов, вокруг же столько народа. Оскорбить при всех. Назвать очень-очень обидно. Чтобы долго помнил. Чтобы было больно. Как было мне...

Вот только я ничего не делаю.

Скольжу в такт с Захаром. Качаюсь на волнах музыки. Пропускаю сквозь себя искрящийся между нами ток.

Я дура. Однозначно. Чокнутая идиотка, которую не смогло вылечить даже время. И мама права – мне нельзя было подпускать его так близко. Нельзя было даже разговаривать, смотреть в его сторону. Ничего нельзя.

Музыка обрывается. Взамен ей снова звучат тяжёлые би-

ты. А мы так и стоим, тесно прижавшись друг к другу. Руки Захара обвивают меня как плети, стягивают удавкой. Но мне не больно. Мне хорошо.

И я сама обнимаю его. Когда? Когда успела?

Задираю голову и смотрю на него.

В его глазах веселье и кураж, а в моих... В моих, видимо, так и не выветрившаяся за последние пять лет дурь.

Иначе как объяснить, что я позволяю Захару обнимать себя так жарко? Позволяю прижаться губами к моему виску? Как?

Не знаю.

Но я позволяю делать это всё. И сама с какой-то маниакальной жадностью вдыхаю его запах, лишаящий воли и посылающий сладкие, колючие мурашки по всему телу...

И мне плевать, что мы стоим посреди площади. Плевать, что нас видят знакомые, и уже завтра маме обо всём доложат. Плевать на всё...

Но тем сильнее бьют слова, сказанные в самое ухо, едва слышно, на грани выдоха:

– Малинка, поехали ко мне?

Глава 4

Меня словно ледяной водой обдаёт. Той самой, из бутылки.

Резко прихожу в себя.

Он что, решил, что я... Что со мной можно так же, как со всеми?

– Ты совсем берега попутал?! – пихаю его в плечи и отскакиваю.

Смотрю в упор.

Стоит передо мной, привычно нагло ухмыляясь. Будто всё происходящее его забавляет.

Он всегда так себя ведёт – берёт кого и когда хочет. И никто ему не отказывает. Ему ведь даже неважно, с кем. Он не видит разницы. И сегодня просто попалась я.

От этой мысли внутри что-то рвётся.

Становится так больно и обидно за себя, глупую и влюблённую, позволившую себе вспомнить всё, что так и не случилось между нами когда-то.

Потому что он так и не подошёл.

Так и не заметил меня.

Вонзаю ногти в ладони, заменяя душевную боль физической, и кричу, перекрывая биты:

– Я кто по-твоему?! Одноразовый стаканчик?!

Несколько человек рядом оглядываются, с удивлением рассматривают нас.

Плевать на них. На всех плевать.

– Какой стаканчик? – Захар резко шагает ко мне.

Нависает сверху, немного прищурившись и удивлённо вскинув брови. Игнорирует взгляды. Смотрит только на меня.

– Малинка, откуда такие сравнения? – тянет руку, снова пытаюсь прижать. Заставить потерять контроль.

Знает, что ему это удастся. И я знаю.

Отпрыгиваю на шаг, уворачиваясь.

– Оттуда, – цежу, упрямо вскинув подбородок и выдерживая его взгляд. В груди пылает обида, глаза жжёт. – Если нужен быстрый перепихон, то ты пришёл не по адресу.

Пока жил здесь, всех девчонок перепробовал. Вернулся – и снова за старое? Только начал почему-то с меня. В списке побед не хватает ещё одной галочки? Так вон их сколько вокруг. Бери любую – ни одна не откажет.

А мне давно не пятнадцать. Я не хочу быть одной из...

– Вот значит как ты думаешь, – он усмехается, засовывает руки в карманы и крепко сжимает челюсть. В жгуче-карих глазах полыхает адский костёр.

– А что, я где-то не права? – выплёвываю, выставив перед собой кулаки, и отступаю на несколько шагов. Врезаюсь в кого-то спиной, но даже не замечаю. – Отвали от меня, понял?!

– Нет, не понял.

– Тебе же хуже! – разворачиваюсь и вылетаю с танцпола, чувствуя лопатками его прожигающий взгляд.

Лавирую между танцующими, иногда в кого-то врезаюсь или задевая плечом.

Лишь бы не расплакаться прямо перед всеми. Ещё чего не хватало!

Сзади что-то кричит Марго.

Отмахиваюсь от неё.

– Я домой.

– Этот козёл тебе что-то сделал?!

– Нет. Я завтра наберу, – кричу и снова припускаю со всех ног.

Подруга одинокой фигуркой остаётся стоять возле крытой террасы.

Бегу домой не знакомой освещённой дорогой, а узкими тропками и закоулками. Всё время кажется, что за мной кто-то гонится. Хотя почему “кто-то”? Кое-кто вполне конкретный.

Вот задолбал. Действительно задолбал всего за один день. Не успел явиться, а уже всё внутри меня с ног на голову перевернул. Вытащил на поверхность всё, что я так старательно давила.

Такое ощущение, что я вернулась на семь лет назад, когда увидела его впервые, и мне снесло крышу.

Перед глазами яркой вспышкой мелькает воспоминание.

...Мы с мамой накрываем на стол, когда слышим хлопок

входной двери.

– Кирюш, ты вовремя, – кричит мама. – Мой руки и иди обедать.

– Мам, я с одноклассником. Мы в комнате посидим, кое-какие запчасти к байку надо поискать, – отзывается брат.

– И зачем я ему этот байк купила? – хмурится мама, откладывает хлеб и выходит в холл. Останавливается на пороге, кого-то рассматривая.

– Здравствуйте, – слышу я незнакомый низкий голос.

– Здравствуйте, – кивает мама. – Мальчики, вы хоть пообедайте сначала...

– Спасибо, я не голоден, – отвечает тот же голос.

– Да, мам, мы не хотим, – подхватывает брат. – Кстати, познакомься, это Захар Чеботарёв. Он из Питера. Переехал к отцу, будет доучиваться у нас.

– Чеботарёв?.. – мама вздрагивает и бледнеет.

Приблизившись, с интересом выглядываю из-за её плеча и рассматриваю идущего вслед за братом высокого черноволосого парня.

Ого какие шестнадцатилетние верзилы живут в далёком Питере! Интересно, а почему он оттуда уехал?

Внезапно незнакомец оборачивается и замечает меня.

– Привет, малая, – широко улыбнувшись, он подмигивает, а для меня в этот момент словно весь мир переворачивается, и внутри что-то больно-больно сжимается.

Краснею так, что даже уши жжёт.

Резко дёргаюсь в сторону и прячусь за холодильник.

– Захар, – повторяю одними губами, прижав руки к груди и ощущая рваные удары бешено колотящегося сердца.

...Судорожно трясую головой и выдыхаю, ускоряясь. Гло-таю ртом тёплый ночной воздух.

Бесит.

Такой же, как его отец. В поле ветер, в голове дым.

Права мама. Тысячу раз права. Сколько раз она мне твердила, а толку...

Слушала её, слышала. И даже всё понимала. Но стоило ему приблизиться, что-то сказать, попросить, подмигнуть – и у меня будто мозг отключался.

Непроходимая идиотка.

Два года в рот ему смотрела, дышать рядом боялась. Как дура радовалась случайным встречам. И даже сама их устраивала. Очень удобно, когда объект твоего воздыхания – друг брата.

И всё ради чего?

Чтобы просто постоять рядом, услышать его голос, увидеть нахальную самоуверенную усмешку. А потом всю ночь рыдать в подушку, потому что он ничего не замечает, не видит под собственным носом. Потому что каждую неделю у него новая девчонка. И каждый раз это не я.

Сворачиваю на узкую тропинку, частично заросшую лопухами и мелкими колючками, спотыкаюсь о незамеченную в темноте кочку, и костерю себя на чём свет стоит.

Иногда за каким-нибудь забором раздаётся грозный собачий лай, и я вздрагиваю, отшатываясь в сторону.

Дыхание давно сбилось, волосы растрепались и тяжёлыми локонами скользят по плечам, но мне всё равно. Хочу убежать как можно дальше. Чтобы больше никогда не видеть и не слышать. Не дать себя коснуться. Не позволить себе ощутить его близость.

Я двинутая. На всю голову. Потому что столько лет прошло. А у меня внутри ничего не изменилось.

Кто я для него? Младшая сестра друга? Малая, которая по непонятной причине вдруг стала малинкой?

Я помню тот день, когда он впервые назвал меня так.

...Выхожу за калитку и сразу же натыкаюсь взглядом на подъехавший байк.

Захар...

Замираю испуганным сусликом.

И коленки ватные. И сердце бьётся так сильно, что вот-вот выпрыгнет.

Я так соскучилась. Так давно его не видела. Целую вечность.

Он глушит двигатель и удивлённо вздёргивает бровь, увидев меня, загоревшую почти до черноты в маленькой деревне на юге, куда мама сослала меня почти на всё лето.

Разглядывает меня так пристально, словно видит впервые. – С возвращением... малая.

Соскальзывает с байка, подходит почти вплотную. Высо-

кий и потрясающе красивый.

От него немного пахнет бензином и пыльной дорогой. Невероятный, головокружительный запах.

– Изменилась как. Когда только успела?

“Изменилась”. Может, хоть сейчас он заметит...

– Мне вообще-то пятнадцать... будет... через четыре дня... – бормочу зачем-то.

Так хочется посмотреть в глаза. Но он стоит очень близко, а я никак не могу заставить себя поднять голову. Только глубоко дышу.

– Ну да, – усмехается он, – уже почти большая. Осталось подождать три годика и... четыре дня, и станешь совсем взрослой.

А я ведь столько раз представляла нашу встречу.

Думала, что он увидит, какая я теперь – почти как все его девчонки, которых он постоянно катает на байке. И с которыми целуется прямо при всех.

И это его издевательское “почти большая” так больно колет, что хочется съязвить, сказать что-нибудь гадкое.

Что-нибудь про его старых восемнадцатилетних подружек с целлюлитом на заднице. И про то, что он меняет их каждую неделю, потому что они ему не нужны...

Потому что он смотрит вообще не туда.

Но мозг похож на жидкую кашу, а с языка рвётся единственное слово: “дурак”.

И я молчу.

– Брата позови, – говорит он неожиданно хриплым голосом.

– Сам позови, – вспыхив, влетаю во двор и хлопаю калиткой.

Меня распирает такая жуткая злость, что перед глазами темнеет.

Я глупая! Глупая ! Глупая!

И по-прежнему ему не нужна...

– Малинка, ты что, обиделась? – доносится его голос.

– Да пошёл ты! – кричу, развернувшись и крепко сжав кулаки. – И сам ты... Бот! Железяка бессердечная!

Убегаю за дом, в самый конец сада. Прячусь за старой толстой яблоней и сижу там до самого вечера, горько рыдая и проклиная этого тупого и слепого барана.

...Сжимаю зубы, отгоняя ненужные воспоминания.

Вылетаю из узкого проулка на широкую асфальтированную дорогу. Ещё один поворот, и я дома.

Несусь прямо по проезжей части.

Иногда вдалеке раздаётся рёв какого-нибудь байка, и тогда я шарахаюсь в сторону, жмусь к пыльным придорожным кустам акации. Но мотоциклы проносятся мимо, либо сворачивают, не доезжая.

И каждый раз сердце вздрагивает, замирая.

Не он. Снова не он.

А с чего я решила, что он погонится?

Он предложил, я отказала. Найдёт себе сейчас какую-ни-

будь безотказную. Вон их на Пятаке сколько. Согласных на всё за несколько минут его внимания.

Ничего за столько лет не изменилось. Ни капельки.

А я... Я просто помешанная на нём идиотка.

Поворачиваю к дому.

Осталось совсем немного.

Смотрю на окна своего дома и вижу, как в маминой спальне загорается ночник.

Она не звонит. Не проверяет. Потому что верит мне. Но всё равно переживает.

Подлетаю к калитке, хватаюсь за ручку и... взлетаю.

– Ты куда сбежала? – раздаётся тихо и насмешливо. – Мы ещё не договорили.

Глава 5

– Пустил! Быстро! – громко шепчу, кидая испуганный взгляд на мамино окно.

Только бы не услышала. Убьёт обоих. Сразу.

Нет.

Его убьёт. А мне просто выпьет мозг через трубочку.

Цепляюсь за мужские запястья и беспомощно дёргаю ногами, спиной ощущая напряжённые мышцы. От них по телу разливаются горячие волны, а в животе скручивается тугой узел.

Как он сюда попал? Он же не гнался? Нет же? Конечно, нет. Я помню. Я оглядывалась.

Значит, обогнал и ждал здесь. Стоял в темноте и смотрел, как я бегу.

Но зачем? Что ему надо?!

Обиделся? Мстить собрался?

Или хочет закончить начатое? “Договорить“, как он это называет.

Если последнее – мне конец.

После того, что он творил за киоском... а потом на танцполе... стоит ему меня поцеловать – и всё, я пропала.

– Не хочу я с тобой разговаривать, – шиплю отчаянно.

– А я хочу.

Тащит меня куда-то и говорит так спокойно, что у меня ноги отнимаются.

Точно последнее...

– Поставь меня! Сейчас же.

О боже-боже... И зачем я вообще на этот Пятак сегодня пошла? Идиотка.

Вонзаю ногти ему в кожу и дёргаюсь ещё яростнее.

Мои жалкие трепыхания его, кажется, только забавляют, потому что он хмыкает, но даже не замедляет шаг.

– Куда ты меня несёшь? – совсем немного повышаю голос, но не достаиваюсь ответа.

Держит меня поперёк талии, прижимая спиной к своей груди, и прёт. Словно хищник добычу.

А я не добыча! Не добыча!

Хочется заорать, но тогда мама точно услышит.

Молча выворачиваюсь, пытаюсь вцепиться в глаза.

– Малинка, хватит уже дёргаться, – не выдерживает Захар.

Перехватывает мою руку и так ловко меня всю перекручивает, что я теперь вообще полностью спелёнута.

– Пусти-и...

– Нет. Кругом акация. Поцарапаешься.

– Я сейчас сама тебя поцарапаю!

Пинаю его ногой. Кажется, попадаю в колено.

– Как скажешь, – он морщится, но не останавливается.

– И буду кричать, – поджимаю губы.

– Обязательно будешь, – скалится. Так самодовольно, что

у меня сердце в пятки проваливается.

Точно последнее! Точно! А-а-а!

– Что тебе надо? Я никуда не пойду!

Непрошибаемый какой-то. Он вообще не понимает слово “нет“?

Повисаю без сил.

Но это ненадолго. Сейчас отдышусь, а потом снова ему врежу.

– И не надо. Мы уже пришли, – он как куклу разворачивает меня в воздухе и прижимает к себе лицом.

Я только пискнуть успеваю, а он – раз! –и уже сидит на байке.

И я... я как бы тоже на нём сижу. Вот только частично. Потому что в основном сижу на Захаре и... и обнимаю его ногами.

Поза настолько провокационная, что я в первый момент теряюсь.

А вот гад этот не теряется.

Его ладони быстро скользят по спине. Обжигают лопатки и талию. Потом то, что пониже. Держат крепко, даже немножечко жёстко. Сдавливают, не давая вырваться.

Каждой клеточкой ощущаю идущий от его тела жар.

Это же мартеновская печь. Только движущаяся, дышащая, живая. И невероятно желанная.

Это невыносимо.

Моё тело снова меня предаёт. И всё, что остаётся – умо-

лять мозг не следовать за ним.

– Я не хочу разговаривать. Я неясно выразилась? – цежу сквозь зубы, прожигая Захара пристальным взглядом и убирая ладони с его груди.

Как они там оказались? Я же не могла это сделать сама? Нет. Однозначно, нет.

– Захар, между нами ничего не будет. Отвали. Иди к своим девкам. Ты меня сегодня даже не узнал.

Последняя фраза прорывается сама.

Не хотела ведь её говорить. Даже думать не хотела. А вот... Как же так-то?..

– Кто тебе такое сказал? – он иронично выгибает бровь.

– Ты.

– Я сказал не так. Просто ты услышала так, как захотела.

Наклоняется ко мне. Наши лица так близко, что я чувствую его дыхание. Ещё мгновение – и он меня поцелует.

Но он не двигается. Он вообще больше ничего не делает. Просто смотрит.

И я... просто смотрю.

Байк стоит на тротуаре, и от освещённой дороги нас отделяют густо посаженные кусты, а от частного сектора – высокий профильный забор.

Но мы же не в лесу!

По дороге изредка проезжают машины, а за забором – дом соседей. И я точно знаю, что по случаю жары окна у них всю ночь распахнуты настежь.

И да, я могу закричать. Позвать на помощь.

Вот только молча сижу и, задрав подбородок, тону в тёмном омуте, дышу через раз, слушаю бешеный ритм его сердца.

Потому что это невозможно, когда он так близко. Невозможно не тонуть, невозможно не слышать.

Ладони ложатся на плечи и скользят по тёплой загорелой коже к шее. Пальцами ощущаю тонкую дрожь, проносящуюся по мышцам, вижу разгорающийся в глубине зрачков огонь.

Что же я за идиотина? Я же всё понимаю плывущим куда-то мозгом. А вот телом – нет. Оно, глупое, тянется к нему. Само. И я им совсем не управляю.

И так мне обидно становится за себя, так больно, что на глаза наворачиваются слёзы.

– Пожалуйста, отпусти меня, – прошу внезапно севшим голосом.

Он играет со мной. Определенно играет. Вот только это не игра. Для меня – нет.

– Уверена? – он едва заметно улыбается и дует мне в лицо, а я невольно закрываю глаза. – С днюхой, малинка.

Он помнит.

И я помню. Он уже делал так. Один раз. Пять лет назад. И говорил так же...

...Я не видела Захара с того самого дня, как накричала и сбежала в сад.

Мне было стыдно, обидно, больно за то, что заставил меня плакать. За то, что все мои усилия так ни к чему и не привели.

Я страдала днями напролёт, ночами впивалась зубами в подушку, чтобы мама не слышала моих рыданий, но упрямо старалась вычеркнуть Захара из своей жизни.

И вот он – тот самый день.

Раннее утро.

Я ещё сплю, и сквозь сон слышу, как кто-то тихо, но настойчиво стучит в дверь.

Стук повторяется.

Открываю глаза, сажусь на кровати.

У меня же день рождения! Пятнадцать. Наконец-то. И кажется, мама решила поздравить меня прямо с утра.

Подскочив, бросаюсь к входной двери.

– Смешная пижама, – внезапно доносится с балкона.

Взвизгнув, разворачиваюсь в полёте.

Захар...

Стоит на пороге, прислонившись плечом к дверному косяку, одной рукой придерживает колыхающийся от ветерка тюль.

– Ты как сюда попал?

Вспыхиваю и несусь к креслу. Хватаю плед, заворачиваясь в него чуть ли не с головой.

Пижама у меня более чем скромная, ничего нигде не просвечивает и не облегает. Обычная хэбэшка. Вот только вся

разрисована персонажами детских мультиков.

А мне уже целых пятнадцать!

– Тебе весь процесс рассказать? – он насмешливо хмыкает и едва заметно кивает назад. – Сначала через соседский забор, потом по тропинке, потом – раз, и я здесь.

– Чего припёрся? – прищуриваюсь, изображая холод.

А внутри всё дрожит от счастья, и стучит единственная мысль: Пришёл! Пришёл! Пришёл!

– Поздравить, – Захар в мгновение ока оказывается передо мной и что-то суёт в руку.

Короткое прикосновение к ладони обжигает кожу. Сжимаю пальцы чисто машинально, а сама так и смотрю на него, задрав голову и открыв рот.

– С днюхой, малинка, – подмигнув, он дует мне в лицо.

Резко закрываю глаза.

А когда открываю, в комнате уже никого нет.

Бросаюсь к балкону, но в саду тоже пусто.

Захар исчез, словно его не было. Словно мне показалось.

Сердце жалобно трепыхнулось и провалилось куда-то в желудок.

Опускаю глаза. В руке зажата корзинка, доверху наполненная спелой лесной малиной.

...Мозг куда-то уплывает, качается на волнах воспоминаний, а я зарываюсь пальцами в жёсткие волосы, провожу острыми коготками по коротко стриженному затылку и дышу часто, неровно. В унисон с моей первой несчастной любо-

вью.

Я не знаю, где я – здесь или там. И не знаю, кто эта девушка, которая сейчас сама подаётся вперёд и находит губами мужские губы.

Это точно не я.

Я бы так никогда не поступила. Никогда. Только не после того, как он исчез. На целых пять лет. И даже не попрощался. И не написал. Ни разу.

Но почему-то именно это и происходит.

Его вкус оседает на губах ароматом спелой лесной малины. Той самой.

Я так хотела быть с ним тогда. И так хочу сейчас. Мой самый желанный подарок.

С днём рождения меня.

С днюхой, малинка...

Девчонки, я очень рада, что вы с моими героями. Поддержите их звёздочкой на обложке и, по возможности, комментариями. Им сейчас очень непросто, а бессердечный автор только и делает, что каждую главу подбавляет дров в топку их непонятных отношений ##

Глава 6

Его ладони разжимаются и медленно, плавно скользят по моей спине. Ласкают. Будто одобряют то, что я делаю. И мне уже кажется, что сейчас он меня отпустит.

Глупая.

Секунда – и его пальцы вплетаются в мои волосы на затылке. Придерживают голову. Обманчиво мягко, нежно. Потому что мне уже не вырваться.

Захар целует. Неспешно, неглубоко. Так, словно пробует меня на вкус. Как малину из той корзинки.

И от этого меня ведёт ещё сильнее.

Я не понимаю. Это словно другие губы. Не те, что насмешливо улыбались утром возле торгового центра. Не те, что поглощали меня там, за киоском. Не те, что на танцполе горячо шептали: “Поехали ко мне...”

Мне жарко от этого поцелуя. От его объятий. А я дрожу, как от озноба.

Он чувствует и прижимает сильнее. Покачивает. Едва ощутимо, но так, что во мне что-то разгорается всё ярче и пульсирует, отдаваясь вспышками во всём теле.

Мы снова танцуем. Медленно и ритмично. В такт углубившемуся поцелую.

Вцепляюсь в его плечи.

Я не боюсь упасть. Просто мне нужно... очень... очень нужно... ощутить его. Целиком.

По телу прокатываются жаркие волны. Ловлю губами воздух, задыхаясь.

Но он не отпускает. И не даёт отстраниться. Ведёт одному ему известный танец, в котором мне отведена роль ведомого. Полностью растворяет меня, подчиняет себе.

И я не выдерживаю.

С губ срывается несдержанный стон.

Резко вздрагиваю, выгибаясь и куда-то улетаю. И не сразу прихожу в себя, понимая, что меня по-прежнему держат.

– Невероятно сладкая малинка, – шепчет Захар в ухо, крепко прижимая меня к себе. Дышит тяжело, рвано. Посылает по телу болезненные, но какие-то лениво-сытые мурашки. – Дикая, колючая, но такая вкусная...

Молчу, спрятав лицо на его груди и успокаивая дыхание. Дышу его запахом. Им.

Я отлично понимаю, что произошло. Я хоть и неопытная, но не совсем же наивная.

И мне невероятно стыдно, что не устояла, сдалась. А ещё... удивительно хорошо. Тепло. Сладко...

Странное и нелогичное сочетание. Но оно почему-то отлично уживается у меня внутри.

– Поехали завтра покатаемся, – шепчет Захар, целуя меня в висок и едва ощутимо поглаживая между лопатками.

Словно татухи рисует. Такие же, какими забиты его руки

от пальцев до самой шеи.

Раньше их было меньше... Я помню первую. Тогда ему было семнадцать...

– Нет, – качаю головой и опускаю голову ещё ниже. – Я не могу.

– Почему?

– У меня день рождения, – цепляюсь за эту мысль, чтобы вернуть мозгу ясность. Иначе снова поплыву. – Гости придут. Мы с мамой сегодня полдня готовили...

Глубокий вздох, от которого его грудь приподнимается, и тихий хмык:

– А после? Вечером? Поехали.

– Нет, Захар. Я никуда с тобой не поеду, – произношу едва слышно. – Ни завтра, ни потом.

– Потому что твоя мама считает, что я плохой зять?

– Потому что ничего хорошего из этого не выйдет.

Мне больно это говорить. Но лучше уж так, чем врать. И ему, и себе.

Он немного отклоняется и приподнимает моё лицо за подбородок, ловит мой убегающий взгляд.

Уворачиваюсь.

Но он так ловко удерживает мою голову, что у меня ничего не получается.

Мне всё ещё стыдно. И щёки горят. И хочется ещё.

Я ненормальная? Однозначно.

Глубоко вдыхаю и беру себя в руки.

Нужно остановиться, пока я окончательно не потеряла голову.

Мне хорошо с ним. Невыносимо хорошо.

Но своим глазам я верю больше.

И знаю, что он не стремится к серьёзным отношениям. Как и его отец, в юности разбивший моей маме сердце, бросив её ради залётной красотки. А потом бросивший и красотку. И ещё не одну после.

– Ты уверена?

– Да, – отвечаю твёрдо. Смотрю на него.

Всё-таки смогла.

– Значит, ты заранее готова проиграть, – в глазах Захара вспыхивает опасный огонёк.

– Я не играю, – упираюсь в его плечи, увеличивая между нами расстояние. Конечно. Для него это игра. Очередное развлечение.

– Я тоже, – он не удерживает, но и не отпускает. – Тогда поехали на дамбу. Просто искупаемся.

Не знаю, почему, но именно это слово выбивает из меня едва вернувшийся здравый смысл.

Это же просто дамба. Мы просто поедem на наше старое место. Сколько раз мы там отдыхали с подругами. Или с компанией Кирилла и Захара...

– Завтра в семь, – слетает с языка быстрее, чем я успеваю подумать.

– Я заеду.

– Нет. Давай у “Старой мельницы“, как раньше.

Господи, зачем я всё это говорю? Совсем как раньше – он попросил, я согласилась.

Но как ему отказать, когда он так смотрит? Я точно движусь.

– Как раньше, – повторяет он. – Но на обрыв не повезу, даже не мечтай.

Он буквально вжимает меня в себя, а я вспоминаю тот день, пять лет назад, когда влюбилась в Захара ещё сильнее. Если это вообще возможно.

И когда видела его последний раз...

...Вечером в день моего рождения пошёл дождь. Мелкий и нудный, он лил три дня.

Но наконец погода налаживается, возвращается привычная жара, и подружки уговаривают меня съездить искупаться.

На общественном пляже много народа, поэтому мы с девчонками отправляемся на дикий пляж.

Вода прохладная, но мы всё равно купаемся до посинения. А потом кто-то предлагает погреться, и мы с диким визгом несёмся на обрыв – к тарзанке.

Все прыгают по очереди. Все, кроме меня.

Я ни разу не прыгала до этого – и Кирилл, и мама строго-настрого мне запрещают.

Но девчонки смеются и подначивают:

– Милка, хватит морозиться, трусиха. Прыгай. Зря, что

ли, плаванием занималась?

Плавание плаванием, но если дома узнают...

И всё-таки я решаюсь.

После невероятного появления Захара у меня в комнате я действительно настолько напряжена, что не нахожу себе места, а мне так хочется расслабиться и встряхнуться.

Хватаюсь за тарзанку и уже беру разгон для прыжка, как вдруг сзади раздаётся грозный окрик брата:

– Милка, не смей!

Я оглядываюсь.

Руки соскальзывают, и я плашмя лечу вниз.

От удара о воду из лёгких вышибает весь воздух. Вода смыкается над головой, и я даже не соображаю, что нужно грести.

Широко распахнутыми глазами смотрю на расплывающиеся по воде солнечные блики и иду ко дну.

И вдруг свет перекрывает тёмная фигура.

Захар?..

Он перехватывает меня и резко тянет вверх. Секундой позже рядом появляется Кирилл.

У меня ничего не болит, только немного тянет спину, но я позволяю Захару вынести меня на берег и положить на траву.

Он такой бледный и испуганный. Нависает надо мной, встревоженно вглядывается в глаза. С лица и волос прямо на моё лицо стекают тонкие струйки воды.

– Малинка, скажи что-нибудь. Как ты? Где болит?

Хочется погладить его по щеке и сказать, что всё нормально, но я только молча смотрю на него, улыбаюсь и слушаю, как рядом ругается брат, обещая мне все на свете небесные кары...

...Тихонько смеюсь. Внутри всё ещё горячо от близости Захара, но напряжение целого вечера медленно отпускает.

– Не опаздывай, – выбираюсь из крепких рук, в которых так иррационально хочется остаться, и соскальзываю с байка.

– Ты тоже, – насмешливо произносит Захар. И почему-то его усмешка больше не выглядит издевательской. Скорее, подначивающей.

В рюкзаке звонит телефон. Марго.

Или мама.

Только бы не она. Не хочу сейчас объясняться. Не знаю, что говорить. И не знаю, на кого я сейчас похожа.

Звонок обрывается, не повторяясь. Значит, Марго. Мама бы звонила до упора.

Надеюсь, она всё-таки уже спит.

Приглаживаю растрёпанные волосы, прикладываю ладони к щекам. Запоздало соображаю, что всё это время Захар видел меня именно такой – красной, лохматой и взъерошенной после долгого бега.

– Я пойду, – выдыхаю неловко.

– Иди, – в противовес словам длинные руки притягивают меня обратно, а жадные губы коротко, но горячо целуют. –

До завтра, малинка.

– До завтра, – бормочу и наконец убегаю.

Я ненормальная. Однозначно. Говорю одно, делаю другое.
Как найти баланс между мозгом и чувствами?

Дёргаю ручку калитки и оглядываюсь.

Захара в темноте не видно. Но я представляю, как он сидит на своём байке, широко расставив ноги, и улыбается своей привычной наглой усмешкой.

Касаюсь пальцами губ, на которых ещё горит фантомный поцелуй.

И точно знаю – в неверном свете уличного фонаря Захар отлично видит этот мой жест.

Быстро ныряю в калитку, а потом долго стою, прислонившись к ней спиной.

Мысли скачут в разные стороны.

Я сама себе противоречу: хочу, боюсь, нельзя... и всё равно соглашаюсь.

Меня явно ждёт палата в дурке. И я на неё уже почти согласна.

Глава 7

Пол ночи не сплю, верчусь с боку на бок, снова и снова вспоминая, что произошло. Прикладываю пальцы то к пульсирующим губам, то к пылающим от смущения щекам.

Какой длинный и безумный день. И всё это накануне моего дня рождения. Словно подарок. Или проклятие.

Вот и Марго так считает. Что проклятие. Не дозвонившись, подруга прислала сообщение. Спросила, всё ли в порядке. Потому что она знает. Единственная, кому я когда-то призналась.

Это её плечо пять лет назад впитало в себя не один литр моих слёз, когда в последних числах августа Захар просто исчез.

Это был самый поганый день в моей жизни...

...Мы с мамой сидим на качелях, перебирая собранные с цветов семена, когда из дома выскакивает Кирилл и быстрым шагом направляется к гаражу.

Проследив за тем, как он выгоняет из ворот байк, мама дёргается и обеспокоенно спрашивает:

– Сынок, ты куда? У тебя поезд через два часа. Опоздаешь. Милана будет волноваться.

– Не опоздаю, – отмахивается брат. – Я быстро.

Через час он возвращается и сообщает, что ездил на ав-

товокзал провожать Захара. Тот крепко поругался с отцом, собрал вещи и уехал к матери.

Уехал. В Питер. Навсегда.

Мама прячет счастливую улыбку. А мой мир шатается и рушится...

...И вот он вернулся. И мой мир снова шатается.

Что я творю? Зачем? Я же понимаю, чем это закончится. День-два, может неделя – и Захару надоест играть со мной. Он переключится на кого-то ещё, а я снова медленно и мучительно больно буду собирать осколки разбитого сердца.

Я, конечно, дура, что согласилась ехать с ним на дамбу. Не знаю, где в этот момент был мой мозг. Он мне вообще последние сутки не помощник. Вопит, кричит остановиться. Но, видимо, недостаточно громко.

И если у него раньше ещё была возможность достучаться до меня, то после сегодняшнего всё стало намного сложнее.

Теперь я понимаю девчонок, которые носились за ним табуном. Если он так целуется, что крышу сносит напрочь, а по телу до сих пор гуляют флэшбеки удовольствия, то что же чувствуешь, когда он заходит дальше?

О, нет... О “дальше” лучше не думать.

Засыпаю, измученная страхами и сомнениями, когда за окном уже начинает светать и первые ранние птички наперебой устраивают громкоголосый концерт.

– Милена, вставай. Уже одиннадцать, – коротко стукнув, в комнату входит мама. – С днём рождения, дорогая.

Она целует меня и вручает подарок.

– Мам, – с меня тут же слетает сонливость, – это же...
это... о-о-о...

В маленькой коробочке на бархатной подложке лежат тонкие серьги из белого золота с крошечными искрами бриллиантов. Месяц назад показала их маме в интернете. Просто сказала, что они восхитительны. Даже без намёков.

– Спасибо, – обнимаю маму. – Ты запомнила...

– Трудно было не запомнить, – смеётся она, поглаживая меня по спине. – Я думала, что подарить, а ты сама подала идею. А теперь вставай. Через три часа придут гости, а у нас с тобой ещё столько дел.

– Конечно, – убираю коробку на тумбочку и мчусь в ванную.

– Милена, – окликает мама, едва я скрываюсь за дверью.

– Да, мам?

– У тебя... – она внезапно серьёзнее, внимательно оглядывает меня, – у тебя всё в порядке?

Сердце проваливается в желудок. Цепляюсь за дверную ручку, сжимаю её до боли в пальцах. Смотрю на маму не моргая.

У меня что, на лбу всё написано неоновыми буквами? Или... Нет, это точно нет – никаких следов на мне быть не может. Мы только целовались. Никаких засосов Захар не оставлял. Только следы от пальцев на бёдрах. Но их же не видно под шортами...

А может, маме уже доложили про наш танец? Но она же пришла в хорошем настроении... Значит, тоже мимо.

Тогда что?

Проверяет. Точно.

– Д-да, мам. Всё в порядке, – выдаю с запинкой.

Не верит. Естественно. Мама читает меня получше, чем некоторые повара – рецепты.

– Виделись вчера? – она встаёт, подходит ближе. Сканирует. Или точнее, препарирует.

Опускаю глаза.

Как с такой мамой можно научиться врать, когда ты ещё не начал придумывать, а она уже знает, как вывести на чистую воду?

– На Пятаке, – и даже не вру. Поднимаю взгляд. Смотрю прямо. – Я его водой облила. Нечаянно. А потом убежала домой.

Снова не вру.

И мама это видит. Расслабляется.

Да, с мамой только так. Часть правды – это же тоже правда?

– Я видела вчера, как он на тебя смотрел. Ты очень красивая стала. А таким, как он, таких и хочется. Я этот взгляд слишком хорошо знаю. Он такой же, как его отец. Ему лишь бы поиграть. Держись от него подальше, – она берёт меня за руки, смотрит с беспокойством.

Действительно переживает. Потому что двадцать четыре

года назад сама пережила несчастливую любовь, после чего выскочила замуж за первого встречного. Нашего с Кириллом отца. И развелась через два года. Даже зная, что беременна мной.

– Я знаю, мам, – киваю. – Не бойся. Подойдёт – получит. Вот только вопрос – что...

– Вообще не связывайся с ним, – в голосе мамы появляются нотки раздражения. – Сделай так, чтобы он не подходил. И сама близко не подходи.

– Я всё помню. Ты мне уже тысячу раз повторяла.

– И ещё повторю. Как я радовалась, когда он уехал. Перестал глаза нам мозолить, – мама поджигает губы.

Лучше бы я молчала. Или вообще была на другом континенте.

– Мам, – делаю попытку прекратить этот разговор, – у меня вообще-то день рождения. Скоро гости придут.

– Ах, гости, – к моему невероятному облегчению, она наконец переключается. – Ну что ты стоишь? Живо умывайся и приходи помогать на кухне.

Она меня отпускает. А мне большего и не надо. Лечу в ванную, щёлкаю замком и прислоняюсь спиной к двери. Здрав голову, закрываю глаза и выдыхаю.

Как же тяжело врать маме. Особенно моей.

И это она ещё не в курсе, что я не просто водой в лицо Захару плеснула. Когда узнает, что мы с ним танцевали, она меня прибьёт. И даже разбираться не будет, что я танцевать

не хотела. Не хотела же?

А если нас кто-то увидит на дамбе? Кто-то знакомый. Это будет просто конец света.

Нет, не поеду никуда.

– Милена, – слышу из-за двери, – что ты там застряла? Давай быстрее. Тётя Лена звонила. Они с дядей Стасом пораньше придут. Помогут со столами.

– Да, мам. Пять минут.

Включаю воду, быстро чищу зубы и рассматриваю себя в зеркале. Точно же никаких следов нет? Вчера вроде всё внимательно осмотрела. Но мало ли?

Приближаю лицо к зеркалу. Волосы растрёпаны, глаза дурные, губы...

Блин, губы немного припухли.

Провожу по ним кончиком языка, и тут же ощущаю небольшое покалывание.

Сладкая малинка...

Щёки вспыхивают от воспоминаний.

Захар же будет меня ждать...

И что делать? У Кирилла его номер попросить? Ну да, я совсем, что ли? Маме Кирюха не скажет, он же не дурак, но вдруг начнёт задавать вопросы? Одно дело – он с одноклассником дружил, хоть маме и не нравилось. И другое дело – я. Что я скажу? Что тоже... дружу?

Решено. Пойду к “Старой мельнице” и скажу Захару, что не поеду.

А я смогу ему отказать, когда он так смотрит, так пахнет?
Трясу головой.

Нет. Не пойду.

Лучше Марго попрошу. Подруга она мне или нет? Должна выручить.

Киваю сама себе и иду помогать маме.

К двум часам дом гудит от наплыва гостей. Мама позвала всех близко живущих родственников, своих подруг и даже парочку соседей.

Как же, у её любимой доченьки первый большой юбилей – целая двадцатка.

Стою у двери, принимаю поздравления от всех входящих и жду свою “драгоценную” подругу, чтобы настучать ей по кумполу.

Нет, ну она совсем оборзела? Я ей почти всё как на духу голосовым вывалила: что догнал, позвал, а я не смогла отказать.

А она мне что?

“Ты, Милк, сдурела? Забыла, как рыдала? Могу напомнить. Нахрена ты соглашалась? Вот теперь иди и говори, что никуда не поедешь. Я-то могу, мне не трудно. Но ты же знаешь – ему ничьё мнение не указ. А вдруг он к твоему дому припрётся? Тебе же хуже будет“.

И не то чтобы она не права, но и я не могу пойти.

О, идёт!

– Привет, с днюхой, – Марго пихает мне в руки подароч-

ный пакет. – Это тебе. Маленький презентик. Я бы, конечно, тебе мозги подарила, но знаешь, они в магазине не продаются.

Последнюю фразу шепчет едва слышно и широко улыбается, глядя мне за спину.

Оглядываюсь.

– Ой, Маргоша, – из столовой появляется мама, – ты вовремя. Все уже в сборе. Идёмте за стол.

– Здравствуйте, Татьяна Егоровна, – рожа подружки сейчас треснет от сладости. – Сейчас, только макияж поправлю и руки помою. А Милена мне поможет.

Схватив под локоть, она утаскивает меня в ванную.

– Марго, – шиплю, закрыв дверь и включив воду, – помоги, будь человеком.

– А ты чем раньше думала?! – она гневно сводит тёмные брови и шипит не хуже меня. – Я вчера так и думала, что этого стоит ожидать.

– Когда? – бледнею.

Она что, видела нас у киоска? Не может быть. Она же опаздывала.

– Как только увидела, как вы танцуете. Точнее, как ты к нему прижимаешься. Тебе опять крышу снесло?!

Становится немного легче. Про киоск я ей точно не скажу – удавит.

– Думаешь, я не жалею? – поджимаю губы. Жалею. Но не совсем о том. – Я пол ночи не спала. Думала, что делать.

– А теперь поздно что-то делать, подруга, – Марго ополаскивает руки и нервно дёргает с крючка полотенце. – Теперь только расхлёбывать.

Опускаю голову и накручиваю на палец длинную прядь. Всю браваду как ветром сдуло. На глаза наворачиваются слёзы.

Марго права. Наворотила я ночью дел...

Что я за бесхребетное существо такое? Никогда не могла ему отказать. Столько лет прошло, а ничего не изменилось.

– Ты же понимаешь, он попросил... – говорю одними губами и всхлипываю.

– Не переживай, – вернув полотенце обратно, Марго обнимает меня за плечи. – И не ной. Отмажу тебя у матери и пойду с тобой. Придём, скажешь ему... м... нет – пошлёшь его по-быстрому, и пойдём ко мне. Устроим пижамную вечеринку, подерёмся подушками, перемоем всем кости. И всё будет тип-топ. А Бот пусть катает на свою дамбу кого хочет. Хоть по одной, хоть сразу штабелями. О'кей?

Киваю.

Согласна на бой подушками. А вот чтобы он кого-то катал на дамбу...

– Ну вот и не парься, – подмигивает подруга.

В дверь стучат.

– Милена, Марго, вы скоро? Ждём только вас.

– Идём, мам, – быстро смагиваю слёзы, цепляю на лицо улыбку и отрываю дверь.

Глава 8

– Марго, я боюсь.

Идём с подругой к “Старой мельнице“. У меня будто шаг вперёд и два назад. Чем ближе, тем медленнее.

Он не придет. Конечно, не придет. Лучше бы не...

– Да успокойся ты. Приедет, скажешь ему что-нибудь типа: “Задолбал ты меня, отвали“, а потом мы разворачиваемся и уходим, – учит подруга.

Киваю.

Внутри поднимается тяжёлая волна, и коленки подгибаются, когда где-то вдалеке слышу звук мотора. И это вовсе не от страха. Тело меня предаёт.

Останавливаемся возле магазина.

– Меня тошнит, – шепчу сбивчиво, прикладывая ладонь ко рту. – Сейчас весь мамин салат наружу выскочит.

– Твою ж... – Марго разворачивает меня к себе за плечи, всматривается в лицо. – Ты и правда белая как поганка. Может, несвежее что попало? Водички хочешь?

Сглатываю подступивший к горлу ком и киваю.

– Стой тут, – приказывает она и пулей залетает в магазин.

Всё там свежее было. Это не салат. Это меня от одной мысли о предстоящей встрече так колбасит.

В рюкзаке беззвучно вибрирует телефон.

Мама.

Выслушиваю её поучительную речь.

Сколько можно? Дома, прежде чем отпустить, отозвала в комнату и провела очередную беседу. Не договорила?

– Мам, мам, – перебиваю, хотя это почти невозможно, – мы не пойдём на Пятак, не переживай. Я же обещала.

Обещала. И слово сдержу. Чего бы мне это ни стоило. Нужно заканчивать с Захаром, пока ничего не началось.

– Я тебе верю, Миленочка, – мама вроде успокаивается. – Ты девочка умная, глупостей не наделаешь. Отдыхайте, девочки, а я пойду к гостям. Дядя Стас караоке настраивает, сейчас будем петь.

Вздохнув, убираю телефон в рюкзак и оглядываюсь.

Что-то Марго долго. Очередь, что ли?

Неотрывно смотрю на дверь магазина.

– Привет, малинка.

По телу словно разряд тока проходит. Болезненного, но такого сладкого.

Вздрагиваю и резко разворачиваюсь, сразу попадая под гипнотический взгляд карих глаз.

Стоит так близко. Почти вплотную.

Нужно сделать шаг назад. Но тело не слушается. И мысли в пляс.

Я же пришла что-то ему сказать, да? А что? Что-то про “послать”. Кого? Куда?

– П-привет, – выдавливаю.

– А я уж решил, что ты передумаешь, – Захар немного отклоняется, окидывает меня насмешливым взглядом, подмечая сарафан на тонких бретельках и плетёные туфельки на танкетке. Совсем не купальный наряд.

Веселится. Только непонятно, с чего.

– А я и передумала, – бормочу растерянно.

Где эта Марго, когда она так нужна?..

С трудом выползаю из этого тёмного омута и с надеждой смотрю на магазин. Но оттуда выходят только несколько незнакомых парней.

Поджав губы, вонзаю ногти в ладони. Я справлюсь. Сама. Наверное...

– Всё с тобой понятно... трусишка, – хмыкает Захар, засунув руки в карманы и слегка качнувшись ближе.

Провоцирует. Нужно держаться.

– Я не трусишка, – упрямо вскидываю подбородок.

Боже... Да как тут держаться, когда он так близко? Цепляюсь взглядом за глаза, но так и хочется соскользнуть на искривлённые в ироничной улыбке губы. Такие жадные... и нежные... когда он целует.

С трудом контролирую себя, чтобы не податься вперёд.

– Нет? Ни капельки? Тогда кто? – Захар склоняется ниже. Гипнотизирует взглядом. Не отпускает.

Не касается. Но оно и не надо – он уже полностью подчиняет меня. Окутывает своим запахом. Лишает воли, возвращая память.

Я словно снова придавлена к киоску сильным горячим телом. Шею жгут колючие поцелуи, а в ухо врывается рваное дыхание.

– Сладкая... – раздаётся прямо в губы. Когда успел приблизиться настолько? – Поехали?

И я киваю.

Всё ведь понимаю. Но не могу... Не могу...

Опять куда-то плыву. Всё как во сне.

– Держись крепче, – его руки скользят по моим запястьям, обжигая, и прижимают ладони к каменному животу.

Тихий рык мотора. Резкий порыв в лицо тёплого летнего ветерка, и мы уже куда-то мчим, вывернув из-за угла магазина, на крыльце которого Марго бьёт в плечо какого-то парня.

Марго, прости...

Закрываю глаза и утыкаюсь лицом в пахнущую жарким летом спину.

Я больная на всю голову. И это не лечится.

Обнимаю сильные бёдра оголившимися от ветра ногами, прижимаюсь грудью к широкой спине и крепко сцепляю пальцы, под которыми напряжённо подрагивают стальные мышцы пресса.

Мы едем куда-то, но я даже не поднимаю голову, чтобы посмотреть. Мне невероятно хорошо здесь и сейчас.

Байк замедляется и останавливается.

Мгновение, и я стою на подрагивающих ногах, прижатая спиной к широкой груди. Тёплые пальцы сжимают мои ладо-

ни, шею щекочет ласковый ветерок и едва слышный шёпот:

– Открой глаза.

Послушно открываю.

Мы стоим посреди белого моря.

Ромашки. Сколько хватает взгляда.

Они качаются на ветру, кивают белыми головками и подмигивают золотистыми сердцевинками, разливают в воздухе сладковатый травянистый запах.

Этого не может быть... Он не может знать. Я не говорила. Никогда.

– Захар... – слова застревают в горле.

Он поворачивает меня к себе, срывает цветок и вставляет мне в волосы. Скользит ладонями по вискам, большими пальцами гладит скулы. Смотрит, словно любит.

– С днём рождения, малинка.

И целует.

Так аккуратно и нежно, словно боится меня спугнуть.

Растворяюсь в ощущениях. Подаюсь ближе, скольжу ладонями по груди, глажу шею. Встаю на мысочки и зарываюсь пальцами в волосы. Мне так важно почувствовать каждую его дрожащую мышцу, каждый участок горячей кожи.

Захар прижимает меня к себе и тихо рычит, углубляя поцелуй. А у меня этот звук высокочастотным током по венам.

– Нежная... – шепчет он, скользя губами по щеке к уху и шее.

Хватаю воздух ртом и не могу вдохнуть.

Его руки везде. То глядят, то слегка сжимают, тут же отпуская и лаская, словно извиняясь. Они словно танцуют по мне. И мы... танцуем.

Такой простой танец... Я повторяю его движения. Это же так легко – когда с ним.

Ткань сарафана щекочет кожу, исчезая.

– Невероятно красивая, – шепчет Захар, обжигая прикосновениями разгорячённую кожу.

Под спиной сминаются тонкие мягкие стебли. Меня окутывает дурманящий запах прогретой солнцем земли и трав, а тяжесть нависшего сверху тела кажется такой необходимой. Желанной. Единственно правильной.

Обнажённой груди касается тонкое дуновение ветерка, а после накрывают мягкие, но настойчивые губы.

По телу несутся сумасшедшие импульсы, изо рта рвётся громкий стон. Выгибаюсь, цепляясь за короткие пряди волос.

Я сейчас не думаю. Ни о чём. Живу в моменте. Самом-самом сладком моменте.

Обвиваю его бёдра ногами и тихонько всхлипываю, когда Захар слегка подаётся вперёд.

Ещё.

И ещё.

От каждого движения низ живота пронзает яркая, острая вспышка. Меня буквально скручивает от болезненного желания.

Но он не спешит. Гладит меня, целует, не останавливает ни на секунду свой танец, но... не переходит черту.

– Пожалуйста... – почти плачу, когда терпеть уже не хватает сил.

Хватаюсь за плечи, вонзаю ногти в тёплую кожу и дрожу, вжимаясь в него всем телом.

– Охренеть... – шепчет Захар, немного отстраняясь.

Мой рот закрывает жадный уверенный поцелуй, а внутренней стороны бедра касаются подушечки пальцев. Они скользят, слегка царапая кожу, ныряют под тонкую ажурную ткань, касаясь чего-то настолько остро пульсирующего, что мне хватает этого, чтобы взорваться.

Мне горячо, очень горячо и невозможно сладко.

Задыхаюсь от гложущего в горле крика, сжимаю в кулаках хрупкие стебельки цветов и перегревшимся мозгом уплываю вникуда.

– Какая же ты отзывчивая... – шепчет кто-то прямо в ухо.
– Крышу мне сносишь...

Не знаю, сколько я так лежу – тяжело дыша и ловя под веками разноцветную радугу. Захар целует кончики моих пальцев, плечи, щёки. Спускается к груди и возвращается к губам.

А мне ужасно стыдно, что я такая податливая, жадно реагирующая на каждое его прикосновение, обещающая себе больше никогда-никогда, только не с ним... и тут же выгибающаяся навстречу новой ласке.

– Малинка, – шепчет Захар, едва моё дыхание выравнивается, – я правильно понимаю – у тебя ещё никого не было? Как же так получилось?

Его слова меня словно пыльным мешком к земле прибивают. Возвращают мозг туда, где ему самое место – в мою дурную голову.

Да потому что мне никто не нужен, кроме тебя, – хочется крикнуть. – А для тебя это всё игра!

Резко отталкиваю его и подскакиваю, прикрыв грудь рукой.

Какая же я идиотка. Опять повелась. Поманил пальчиком... Нет, даже не манил – просто подошёл. Я и побежала. Как безмозглая овечка на заклатание.

– Ты чего? – он садится, опершись локтем на согнутое колено, и с удивлением наблюдает за моими метаниями.

Не могу на него смотреть, но всё равно краем глаза замечаю, что он по-прежнему возбуждён. Чёртовы вечные джинсы вообще этого не скрывают. И боксёрка... Где она?! Зачем он её снял?!

С ума сойти! Я же чуть не переспала с ним. Сама!

– Где... где мой сарафан? – произношу хрипло, потому что понимаю, что мечусь перед Захаром в одних мизерных ажурных трусах, от которых толку – ноль, одна красота.

Он оглядывается и молча вытаскивает его из-за спины.

Выдёргиваю, ухватившись за другой край ткани, словно боюсь коснуться его пальцев и обжечься. Трясущимися ру-

ками быстро одеваюсь, не сразу попадая, куда надо. От резких движений лямки угрожающе трещат.

Наконец оправляю подол и не глядя на Захара иду к байку. Поднимаю упавший возле заднего колеса рюкзак, достаю телефон. Проигнорировав тонну пропущенных от Марго, открываю приложение.

Если мама меня уже ищет, это будет писец.

“Милена, вы забыли взять тортик“.

Судорожно выдыхаю и тут же всхлипываю.

Мне сейчас было так сладко, мам, что твой тортик отдыхает... на другом континенте.

“Не переживай. Марго худеет, ей вредно. Я тоже с сегодняшнего дня сладкое не ем“, – ввожу трясущимися пальцами, отправляю и только тогда поднимаю глаза.

Опять нависает надо мной. Полуголый.

Так бы и двинула по этим литым мышцам. Врезала по квадратным кубикам пресса... А потом... потом провела по ним губами... попробовала на вкус его кожу... горячую и немного солёную от капелек пота...

– Малинка, может объяснишься? Я тебя обидел? – голос Захара разбивает весь порнографический бред, который в долю секунды проносится в моей голове.

Господи, я что, опять?!

Резко отворачиваюсь, закидываю рюкзак за спину и хрипло выдавливаю:

– Отвези меня в город.

Глава 9

– Давай сначала поговорим, – он тянет ко мне руку, но я отскакиваю.

– Нет! – кричу истерично. – Я хочу домой!

Подальше отсюда. От этого ромашкового поля. От воспоминаний о том, что здесь случилось. И что... чуть не случилось.

Обхватываю себя руками. На улице плюс тридцать, а я дрожу.

– Пожалуйста, отвези...

Полными слёз глазами слежу за тем, как Захар молча поднимает майку, натягивает на плечи и быстро возвращается.

– Захар... – хриплю едва слышно.

– Сейчас отвезу.

Опять останавливается передо мной. Хочет коснуться плеч, но я дёргаюсь, не позволяя.

– Можешь объяснить, что не так?

Отрицательно трясую головой. Всхлипываю.

Да что ж ты непонятливый такой?!

Всё не так. Всё!

“Удивительно... У тебя ещё никого не было... Как так получилось?..“

А вот получилось, Захар, получилось. И это совсем не

смешно.

– Кажется, я понял, – он проводит рукой по волосам, откидывая чёлку. – Малинка, я не имел в виду ничего плохого. Просто удивился. Ты такая... что трудно поверить... Блядь...

Он тяжело вздыхает и всё-таки сжимает мои плечи. Легко. Почти невесомо.

– Я знаю, что у вас, девушек, всё не так просто... особенно в первый раз. И просто хотел убедиться, чтобы не сделать тебе больно...

Не говори больше. Замолчи, пожалуйста. Не надо...

Сжимаюсь от каждого его слова.

– Поехали на дамбу, – он так внезапно меняет тему, что я вскидываю на него удивлённый взгляд. – Не купаться. Тебе нужно умыться.

Ведёт пальцами по моим щекам, стирая мокрые дорожки. Я плачу?

– На святой колодец, – хриплю, шмыгнув носом. – На дамбе много народа.

– Хорошо. На колодец, – кивает и что-то достаёт из моих волос.

Ромашка.

Смотрю на цветок в его пальцах. Все лепестки облетели, кроме одного. Символично. Любит-не любит...

Нет, конечно. Играет.

Но я-то люблю...

Забираю цветок и прячу в кулаке.

Захар подарил мне целое ромашковое поле. Особенное для меня. Но я сохраню именно этот цветок. Положу на полку рядом с той корзинкой из-под малины. Просто потому, что мне так легче.

– Едем? – он садится на байк, оглядывается.

Киваю и сажусь сзади. Осторожно обхватываю его за талию.

– Так ты свалишься, – он прижимает мои ладони сильнее, посылая по телу острые, как осиные укусы, разряды.

Крепко сцепляю зубы и медленно считаю про себя до десяти и обратно.

До святого колодца ехать недолго. Захар знает здесь каждую тропку. И я тоже.

Несколько лет назад, когда я ещё каталась с компанией брата – лишь бы лишний раз побыть рядом с Захаром, – мы гоняли здесь наперегонки на байках.

Как-то у Кирилла что-то случилось с байком, и мы остановились. Пока ребята возились с поломкой, а очередная пассия Захара хихикала и строила ему глазки, я зашла в лес. И вышла прямо туда – к белому морю ромашек.

Я опустилась на колени, села на пятки. Плела венки и шептала цветам о своих печалях. Призналась, как сильно люблю Захара, и поклялась, что в моём сердце больше никого не будет.

Только он.

Навсегда.

Там ребята меня и подобрали, когда починили байк. Я хотела отдать венок Захару, но за его спиной сидела блондинистая мымра. Поэтому я повесила его на байк брата. Он так и проездил с ним весь вечер. А потом, наверное, выкинул.

Когда Захар уехал, я больше ни разу не села на мотоцикл и никогда не возвращалась на это поле. Никому о нём не рассказывала. Даже Марго.

Как странно, что Захар привёз меня именно туда.

Вздыхаю, отмахиваясь от воспоминаний и возвращаясь в реальность.

Через несколько минут мы останавливаемся у лесного родника, с трёх сторон заросшего густыми кустами дикой малины и прозванного в народе “святым колодцем”.

Соскакиваю с байка и несусь по узкой тропке вниз, изредка цепляясь подолом за щедро разросшиеся здесь колючки. Долго умываюсь, пальцами вычёсываю из волос мелкие зелёные листочки, старательно отряхиваю сарафан и только тогда возвращаюсь.

– Холодная вода? – улыбается Захар.

Он так и сидит на байке.

Слава богу, не пошёл за мной. Я хоть немного успокоилась. И мозги вернулись.

– Угу, – киваю, – ледяная.

– Иди сюда, согрею, – он протягивает руку, и я едва не шарахаюсь в сторону.

Щёки становятся пунцовыми.

– Руки согрею, – поясняет Захар насмешливо и перехватывает мою ладонь. Слегка сжимает и дуёт тёплым воздухом.

Заворожённо смотрю на то, как он растирает пальцы по одному, подносит к губам, снова дуёт, а потом... целует в центр ладони.

И всё это время не сводит с меня глаз.

– Уже теплее? – спрашивает, а я даже ответить не могу, только машинально киваю.

Откуда в нём всё это? Он ведь так никогда не делал. Ни с одной девчонкой. Я же видела. Я знаю.

Хватал и валил на песок на дамбе, целовал взасос при встрече, мог ответить грубо, если очередная пассия переходила границы. Да он даже меня возле киоска зажал так, как делал это со всеми.

Но он никогда не был... таким.

Я не понимаю.

– Давай вторую, – он тянется к другой руке, но я делаю шаг назад, пряча холодную руку за спину, и вытаскиваю из его ладоней другую – тёплую и... поцелованную.

– Не надо. Всё нормально.

– Тогда поехали? – смотрит так, как будто что-то понимает. Будто в мыслях моих покопошился и уже разложил всё по полочкам.

Но он же не может понимать? Точно не может?

И между нами ничего не изменилось. Между нами ничего

нет. И не будет.

Сажусь на байк, прижимаюсь немного сильнее.

– Отвези меня к Марго, – прошу.

– Хорошо.

К дому подруги едем окольными путями. Не знаю, почему Захар выбрал именно эту дорогу, есть же намного короче, но я не сопротивляюсь. Молча держусь, закрыв глаза и уткнувшись лбом в его спину.

Не представляю, что будет, когда мама всё узнает.

А она узнает, в этом сомнений нет.

В её магазин ходит чуть ли не полгорода. У неё отменный вкус, и из множества товаров в каталогах она умеет выбрать самую красивую и качественную обувь.

Мы останавливаемся возле одной из трёх двенадцати-этажных “свечек“, и я тут же соскакиваю с мотоцикла.

– Спасибо, – бросаю скомкано и несусь к подъезду, только по дороге соображая, что Марго вообще может быть не дома.

Я же её бросила около магазина. А вдруг, не дозвонившись до меня, она пошла на Пятак? А вдруг у неё проблемы? Она же кого-то там била. “Хорошая“ я подруга, даже не подумала об этом раньше.

Торможу. Достаяю телефон и набираю. Гудки идут, но трубку никто не берёт.

– Да Марго, блин, – шиплю, чутко прислушиваясь к тишине за спиной.

Не уехал. Так и стоит. И я лопатками ощущаю его заинте-

ресованный взгляд.

– Не отвечает? – спрашивает Захар.

Я так и знала.

– Нет, – отвечаю коротко.

Не буду поворачиваться. Ни за что.

– Может, на Пятак пошла?

– Может.

Уезжай, Захар. Пожалуйста. Не мучай меня.

– Хочешь, съездим, посмотрим?

– Нет.

– А чего так?

Да что ж это за издевательство?

Всё-таки смотрю на него.

Сидит. Красивый такой. Уверенный в собственной непревзойдённости. И ухмылка эта. Опять скалится. Словно забавляет его всё.

А у меня щёки краснеют. И уши горят.

– Спасибо, что подвёз, Захар, – зло прищуриваюсь, – но со своими подругами я разберусь сама.

Он вскидывает брови.

Недоволен моей реакцией? Ну бывает. Не всё ж ему надо мной издеваться.

– О'кей. Завтра увидимся? – Захар снова так неожиданно меняет тему, что я не успеваю сообразить.

– Э... – тяну, хлопая ресницами. – Н-нет...

Моё “нет” больше похоже на “не знаю, не уверена”, чем

на твёрдый отказ. Даже я это понимаю. А он так и вовсе считывает на раз.

– Тогда поедem купаться? – улыбается ещё шире. Наклоняется вперёд. Совсем чуть-чуть. Но даже этим давит на меня. Лишает воли.

Он уже и на расстоянии на меня действует гипнотически? Вспыхиваю ещё сильнее.

– А вот это уж точно нет! – чуть ли не выкрикиваю.

– Это точно, а то не точно? – он тут же интерпретирует мой ответ по-своему. Выворачивает наизнанку. Так, как удобно ему. – Ладно. Значит, в девять на Пятаке. Пока, ма-линка.

Стою, открыв рот, и смотрю, как чёрный байк с серебристыми хромированными боками скрывается за поворотом.

Вот что он за человек? Я же сказала “нет“. Вроде бы...

Глава 10

Сажусь на лавочку у подъезда и начинаю вызванивать Марго.

Неужели с подругой действительно что-то случилось? Кто был тот парень? Лица я не рассмотрела. Да и не пыталась, если честно. Не в том состоянии была. Но то, что незнакомый – это точно.

После десятой попытки она наконец берёт трубку.

– Марго! Ты где?! – едва не выкрикиваю и тут же виновато улыбаюсь девушке с коляской, сидящей на лавочке напротив. – Я тебя убью! – шиплю тише.

– Я где?! – налетает она. – Это тебя надо спросить, где ты. Мы о чём договаривались?! Ни на минуту нельзя оставить. Я весь телефон тебе оборвала. Где ты была с ним?! И где сейчас?

Зажмуриваюсь.

Где я была... В раю.

– Я возле твоего подъезда, – выдыхаю, стараясь взять под контроль эмоции.

– В домофон звони. Сейчас открою.

Лифт поднимает меня на седьмой этаж. Подруга уже стоит у открытой двери. На голове скрученное гулькой полотенце, на лице недовольное выражение – брови нахмурены, губы

сурово поджаты. Сканирует меня инквизиторским взглядом.

Но, видимо, ничего страшного не обнаруживает, поэтому расслабляется и уже вполне мирно спрашивает:

– Ну?

– Молчи. Потом расскажу, – отсекаю вопрос, проходя в прихожую. – Елена Семёновна дома?

– На сутках сегодня, – подруга щёлкает замком и уходит на кухню. Позвякивает посудой. – Есть хочешь?

– Нет, – сажусь на пуфик, расплетаю мудрёные шнурки на туфельках. – Я тебе обзвонилась.

– Как и я тебе, – не остаётся она в долгу. – У меня телефон на вибро стоял. Не слышала. А вот что за причина у тебя, вопрос.

Да уж, ещё тот вопрос.

Прохожу и сажусь на стул. Сцепляю руки в замок, зажимаю их между коленями.

– Я тебя слушаю. Рассказывай, – включив чайник, Марго ставит передо мной кружку, двигает ближе сахарницу и вазочку с печеньем. Садится, закинув ногу на ногу.

Рассматриваю её педикюр и молчу.

Что рассказывать? Всё? На всё я не готова. Не до такой степени. Одно дело, говорить о переживаниях, а другое – произнести вслух то, от чего до сих пор внутри всё переворачивается и сладко ноет.

– Мы... просто катались, – выдаю усреднённую версию. – На родник ездили... По старым местам... где раньше... го-

няли...

Замолкаю.

Я вру своей подруге. Дожила. Точнее, не вру – не договариваю. Прямо как маме. Часть правды...

– И всё?! – спрашивает она с нажимом. Хуже мамы, честное слово. Потому что мама не в курсе... пока.

– На Пятак завтра позвал...

– Так, про завтра мы после разберёмся. Говори, что было сегодня.

Давит, словно танк. Уже жалею, что дозвонилась. Лучше бы я домой пошла ночевать. А, нет, там мама. Не поймёт. Подумает, что мы с Марго поругались. Утешать начнёт. А оно мне надо – врать ещё больше? Мне же как-то придётся ей в глаза смотреть.

Тогда лучше под забором... чем вот это вот всё.

– Он меня... поцеловал... – давлюсь, краснея и опуская голову ещё ниже, – в ладошку.

– Куда?..

– В ладошку, – показываю ладонь.

Марго закашливается, подскакивает со стула и отбегает к окну. Вернувшись, нависает сверху.

– Что ты мне врёшь?!

Отрицательно мотаю головой.

– Не вру.

Не вру ведь?

– Милк, а ты сейчас точно про Бота говоришь? Ни с кем

его не перепутала? – язвительно цедит Марго.

– Сама в шоке, – неопределённо пожимаю плечами.

Ага, ещё в каком. Меня от этого жеста тукнуло едва ли не больше, чем от того, что было на поле.

– Понятно, – тянет подруга и плюхается на стул.

– Что тебе понятно?

– Что влип.

– Кто? – поднимаю голову.

– Захар твой.

– Он не мой, – хмурюсь.

– Конечно, не твой. Он всеобщий. А влип в тебя, – тычет в меня пальцем.

– Да что за бред! – восклицаю, разозлившись. – Не мог он влипнуть, потому что ему всегда на всех пофиг.

– Говорю, что вижу, – она разводит руками.

– Да много ты видишь!

– Ну уж побольше твоего. Со стороны, знаешь, как-то заметнее.

– С какой стороны? – подсказиваю, нервно махнув рукой и едва не разбив кружку. – Ты видела его вчера и сегодня. Всё! Кстати, насчёт сегодня – кого ты там лупила?

– Никого, – отмахивается она. – Какой-то придурок расхреначил мне телефон. Зацепился типа нечаянно.

– И что? – оседаю в шоке.

Елена Семёновна в больнице днями и ночами пашет, чтобы единственная дочь могла ни в чём себе не отказывать.

Но это же не значит, что она может запросто позволить себе купить новый телефон? Тем более, разбитый каким-то придурком.

– Да ничего. Я ему врезала, он извинился.

– И всё?

– Не-а, – усмехается Марго. – Телефон сначала работал. Я ж тебе сразу стала названивать. А потом – фигак, тишина и – вуаля!

Подруга достаёт из кармана домашних безразмерных шорт незнакомый телефон с знаменитым логотипом на задней крышке.

– Он тебе новый купил? – восклицаю восхищённо. – Как? Где?

– Милк, не тупи, – закатывает глаза Марго. – Где он в воскресенье вечером купит телефон? Свой отдал.

– Насовсем?

– Ну нет, конечно. Забрал мой, сказал, что починит. А если нет, будет мне компенсация. За моральный ущерб.

– А... – хлопаю глазами, подбородком указывая на крутой гаджет, – там же его данные. Соцсети, всё такое...

– Мать, я тебе поражаюсь, – она хлопает руками по бёдрам. – Зачем мне его соцсети? Сбросил все данные, и всё. Ты что, вообще в телефонах не разбираешься?

– Разбираюсь. А ему не жалко?

– Раньше надо было думать, когда не смотрел, куда пёр. Так что “жалко-не жалко” – не мои проблемы.

Она убирает телефон и щёлкает пальцами перед моим лицом.

– А ты давай, тему не уводи.

– Да я не увожу.

Снова сдуваюсь.

– Ну да. Я вижу, – Марго встаёт, наливает мне в кружку чай. – Пей и рассказывай. Вас не было два часа. Про старые места и родники маме будешь вкручивать. Если спросит. А мне, пожалуйста, как на исповеди – правду, только правду и ничего, кроме правды.

Сию в шоке.

По мне всё так видно?

– Целовались? – неожиданно Марго сама помогает мне этим вопросом.

Мне остаётся только сокрушённо кивнуть.

– Понятно.

Она встаёт и отходит к окну. Присев на подоконник, скрещивает на груди руки.

– Что тебе понятно? – кручу в руках кружку.

– Что-что? Всё с тобой понятно. Только вот что делать теперь – непонятно.

– А что делать?

Марго молчит. Некоторое время задумчиво барабанит пальцами по руке и смотрит мимо меня, а потом говорит:

– Тут два варианта. Первый: ты с ним встречаешься. Неделю, максимум две. А потом бросаешь его, пока он не сделал

это первым. Может, успеешь за это время разочароваться в нём настолько, что всё само пройдёт.

– А второй? – подаюсь вперёд.

– А второй... Ты уезжаешь на юг к бабке и сидишь там до конца лета. Как говорится, нет тела – нет дела.

– А если у меня за две недели не пройдёт? – спрашиваю неуверенно.

Потому что уверена – не пройдёт.

– Ага, – Марго приподнимает брови, – значит, второй вариант ты не рассматриваешь вообще?

Мотаю головой.

Не хочу к бабе Зое. Лучше уж дома запереться до конца августа.

А там, прости-прощай, родной городок, здравствуй, милая альма-матер, конспекты, зачёты и постоянная муштра Элинки – соседки по комнате и очень авторитарной личности в нашей общаге.

– Но ты же сказала, что он влип... Может, его хватит не на две недели?.. – воспаряю надеждой и тут же скисаю.

Что я сейчас делаю? Вместо того, чтобы воспользоваться подсказкой Марго и исчезнуть, я торгуюсь, надеясь продлить минуты счастья?

Подруга понимает меня с полуслова.

– Влип, – чеканит холодно, – но не так, как ты думаешь.

– А как?

– Как влипают в недотрог, – бьёт словами она. – Для него

это всё ново. А потому интересно. Все на него что делали? Правильно, вешались. А ты бегаешь. Но не за ним, а от него. Вот у него и проснулся инстинкт охотника. Догнать, получить, подтвердить статус хищника.

– Так я тоже за ним бегала, – всплёскиваю руками.

– Это когда было? Когда ты для него соплюшкой была? Тем более, сестрой друга. Двойное табу. А теперь? Кирюхи здесь нет, ты взрослая – почему бы не попробовать. Тем более, он в курсе, что ты по нему сохла. И не спорь – мужики такие вещи за километр чувят. Вот только он не знает, что ничего с той поры не изменилось. Верно я рассуждаю? А, Милк?

Думаю.

С одной стороны, Марго права. Очень права, даже не зная всех подробностей наших встреч. Захар – тот ещё охотник.

Но с другой... Каждая наша встреча – открытие для меня. Очень откровенное, с учётом того, что мне всё в новинку. Да и без учёта тоже... И то, что с той поры ничего не изменилось, если он и не знал, то теперь уже точно догадался.

– И что ты предлагаешь? – спрашиваю внезапно охрипшим голосом.

– А вот это уже деловой разговор, – Марго отлипает от подоконника, подходит и берёт меня за руки. Смотрит в глаза жёстко, сосредоточенно. – Раз уж ты выбрала первый вариант, то я предлагаю вам поменяться местами...

Глава 11

– Это как? Мне самой за ним бегать, чтобы он от меня убегал? – изо рта вылетает нервный смешок.

– Почти, – Марго поджимает губы. Что, разве не смешно? А мне так очень. – Перестань от него бегать для начала. И перестань на него вешаться. Просто води себя так, будто он обычный парень.

Хочется пальцем у виска покрутить. Уж она-то как никто в курсе, что я рядом с ним теряюсь, становлюсь похожей на овечку. Долли, блин.

А ещё мне от него сносит крышу...

– Ты же знаешь, что я не могу, – мямлю.

– А ты через “не могу“, – злится Марго. – Тебя никто не заставляет с ним спать. Просто играй на его поле. Не соглашайся сразу, если он куда-то зовёт. Говори: “Не сегодня“. Не убегай, но и не подпускай близко. Будь всегда на виду, но не показывай, как он на тебя действует. Раз он охотник, ты должна стать добычей, которая не убегает, а путает ему все планы.

– Не получится, – качаю головой.

– Ну тогда иди обувай свои мудрёные туфельки, а я пока вызову тебе такси.

– Зачем? – выпадаю в осадок, смотрю на подругу расте-

рянно.

– Чтобы успела до утра шмотки собрать и к бабушке уехать,
– припечатывает она.

– Ладно... – выдыхаю, сдаваясь под таким напором. – Я попробую.

– Вот и умница, – подруга обнимает меня за плечи. – И ничего не бойся. Я буду рядом.

– Угу.

Жаль только, что рядом с Захаром у меня обычно отключается мозг. Может, предложить ей побыть не рядом, а вместо? Хотя нет, “вместо” перетопчется.

Ещё немного посидев на кухне, уходим в комнату, заваливаемся на кровать и смотрим смешной молодёжный сериал. Параллельно отправляю короткое видео маме, чтобы не переживала и не надумывала, где я.

Утром просыпаюсь от звонка телефона.

– Да, мам, – хриплю сонно, одним глазом рассматривая спящую с приоткрытым ртом Марго.

Вот кошка... На что меня вчера подписала? Может, надо было всю правду рассказать?

Ну нет...

– Миленочка, солнце, прости, что разбудила, – стрекочет мама. – Ситуация “сос” – у Анечки муж в больницу попал, нужно подменить. Один денёчек всего. Выйдешь?

Потягиваюсь, смотрю на время.

– Мам, я не успею собраться. Не в сарафане ж идти.

– Приезжай сразу в магазин, здесь переоденешься. Я захвачу что-нибудь из шкафа.

– Хорошо.

Встаю, иду умываться.

К десяти я уже в магазине. Переодеваюсь в мамином кабинете.

– Мам, ну что ты мне привезла?

Разглядываю себя в зеркале. Не знаю, смеяться или плакать.

Широченные джинсовые бриджи длиной до середины икры, высокие кеды и безразмерная футболка, достигающая мне почти до колен. По-моему, Кирюхина. Как она в мою полку попала?

– Я на пугало огородное похожа.

Мама растерянно хлопает глазами, прижимает руки к груди.

– Миленочка, я что-то сегодня рассеянная. Как же так получилось?

“Как так получилось?” – тюкает в голову, и я краснею.

– Ладно, нормально всё, – быстро убегая в зал, где несмотря на раннее время уже бродит несколько покупательниц.

До обеда консультирую, объясняю, даю померить “то”, “это”, потом “вот ещё это”, и снова “вон то – первое и третье”.

Показываю каталоги, вместе с покупателями тестирую су-

пинаторы, каблуки, подошву... Да вообще всё, что только можно протестировать.

К двум часам немного сдуваюсь. Желудок болезненно ноет. Со вчерашнего застолья ничего не ела.

Марина и Ксюша, с которыми мы попеременно бегаем из подсобки в зал и обратно, уже пообедали. Моя очередь.

– Девочки, я в кафешку, – машу им рукой и убегая.

Торговый центр огромный, пятиэтажный. Спускаюсь на первый, захожу в кафе и приветливо киваю пробегающему мимо официанту.

– О, Милка, привет, – отзывается он. – Тебе как всегда?

– Ага, Сём. Спасибо.

Привычно занимаю столик у окна и жду, когда Семён принесёт заказ, после чего не спеша обедаю.

Горячий суп наконец успокаивает желудок. От тепла по телу разливается приятная тяжесть. Кажется, я впервые за сегодня расслабляюсь.

Подношу ложку ко рту и машинально смотрю в окно.

Напротив торгового центра останавливается знакомый фургон с витиеватой надписью “Цветы Приволжья”.

Сердце ударяется о грудную клетку, а ложка едва не выпадает из ослабевших пальцев.

Не могу оторвать взгляд от Захара, который выпрыгивает из кабины и лёгким пружинистым шагом идёт к задней двери фургона.

Заворожённо наблюдаю за его плавными кошачьими дви-

жениями и перекатывающимися под кожей мышцами, когда он играючи подхватывает тяжёлые ящики и раз за разом переносит их в цветочный киоск.

Исчезает там на несколько секунд и выходит, каждый раз что-то коротко кидая через плечо и насмешливо скалясь.

Кому он там улыбается?

Судорожно пытаюсь вспомнить, кто работает в киоске. Кажется, молодые девчонки.

Ну да. Когда бы Захар упустил возможность распустить павлиний хвост перед очередной потенциальной пассией?

Аппетит пропадает.

С трудом отвожу взгляд от окна, отодвигаю тарелку и молча сижу, уставившись в кружку с кофе.

Столько лет прошло, а ничего не изменилось. Он всегда в центре внимания и всеобщего восхищения. Права Марго – он действительно всеобщий.

Сжимаю под столом кулаки, впиваясь острыми ногтями в ладони.

Я ревную?

Однозначно.

Какая же я идиотка. Как можно ревновать того, кто тебе не принадлежит? Или же принадлежит временно.

Неделя, максимум две, да?

Тут даже двух дней не понадобилось, чтобы он переключился на кого-то ещё. Видимо, не совсем так работает инстинкт охотника. Поймал – сожрал, не поймал – ну и хай с

ней, поймаю другую.

Нужно срочно взять себя в руки. Выбросить его из головы. Из сердца не получится, я уже пробовала. Но можно же начать с малого?

Что там говорила Марго? Что-то про вести себя так, будто он обычный парень... А как это сделать? Я ведь даже не подготовилась. Не ожидала увидеть его так скоро.

Как хорошо, что он меня не видит. Иначе это был бы полный провал.

– Привет, малинка, – насмешливый шёпот касается уха, шею обдаёт тёплым дыханием, запуская под кожу миллионы колючих и сладких мурашек.

Подскакиваю так, что бьюсь руками о стол. По столешнице расплзается молочно-коричневое пятно кофе.

Смотрю на Захара во все глаза.

Как он?.. Он же... Я же...

Открываю рот и перевожу растерянный взгляд за окно.

Он же только что был там.

Но нет. Он здесь. Прямо передо мной.

Скалится, будто рад меня видеть. Садится напротив, вытягивая длиннющие ноги так, что они касаются под столом моих.

Быстро убираю ноги под стул.

– Смотришь на меня так, будто привидение увидела, – усмехается Захар, складывая руки в замок и немного подаваясь вперёд.

Моргаю и опускаю взгляд. Таращусь на его пальцы. Сердце выпрыгивает из груди, дышу через раз. И в голове только одна дурацкая мысль: “GHOST“. Призрак. Татуха на его пальцах. По одной букве на каждый.

Вот уж точно привидение. Раз – и материализовался. Он же не видел меня. Ни разу не посмотрел. Как только умудрился? Зашёл случайно?

Заглохни, дурацкое сердце. Конечно, случайно.

– Сёма, – зовёт Захар официанта. Его ни капли не смущает моё молчание и идиотское поведение. – У нас тут небольшая авария. Можешь убрать? И принеси нам с Миленой кофе.

– Я... я... – давлюсь словами. Никак не могу собраться.

Нужно уйти. Срочно. Пока я ещё в состоянии думать. Хоть как-то.

– Я пойду, – выдавливаю наконец и дёргаюсь, собираясь позорно бежать.

Это просто тактическое отступление. Не бегство.

– Кирюхина? – Захар спокойно кивает в район моей груди. – Тебе идёт.

Вопрос выбивает из колеи.

– Что?.. – бормочу растерянно, плюхаясь на место.

– Футболка, – поясняет он, широко улыбаясь. – У меня такая же. Мы с ним вместе заказывали.

Опускаю глаза на эмблему знаменитой рок-группы.

– Ну да... Мама принесла... нечаянно. Ошиблась.

Щёки моментально вспыхивают.

Что я несу? Зачем ему всё это знать? Нужно срочно взять себя в руки.

Играть на его поле... Играть...

А как играть, если я даже не понимаю правил?

Пока я пытаюсь принять хоть какое-то решение, подошедший Семён быстро убирает со стола и ставит свежий кофе.

– Сто лет тебя не видел. Давно в городе? – спрашивает Захара. – Надолго приехал?

– Недавно. Как получится, – расслабленно отвечает он, расплачиваясь.

Выхватываю только последнюю фразу.

Как получится...

То есть ненадолго.

– А Мэл? – снова спрашивает Семён.

– Обещал приехать на выходных.

Удивлённо распахиваю глаза, отрываясь от созерцания столешницы.

Кирилл приедет на выходных? А почему мы с мамой не в курсе?

– А, ну да, – кивает Семён. – Я слышал, ребята новую трассу раскатали. Вы участвуете?

– Посмотрим, – Захар внезапно мне подмигивает.

– Ну ладно, не буду мешать. Приятного аппетита.

Семён отходит, а у меня изо рта тут же вырывается вопрос:

– Кирилл приедет участвовать в гонках? Вы что, опять
взялись за своё?

Глава 12

Мама прибьёт Кирилла. И Захара вместе с ним. Она же просила, и брат слово дал. И ей, и девушке своей. Ещё тогда.

– Кто тебе это сказал? – Захар вскидывает брови и рассматривает меня с ироничной улыбкой.

Так искренне удивлён, что я на мгновение теряюсь.

– Вообще-то ты.

– Когда?

– Да только что.

– Я такого не говорил.

Он надо мной смеётся? Или я глухая?

Хватаю чашку с кофе. Сжимаю так, что пальцы белеют.

Чашка мелко позвякивает о блюде.

– Ты сказал, что Кирилл приедет, так? – гневно цежу, ставлю чашку на место и стискиваю руки в кулаки.

– Так, – Захар широко улыбается.

– Я всё расскажу маме. Она его не пустит.

Господи, я сейчас как маленькая. “Маме расскажу. Не пустит...” Ничего глупее не придумала? Ау, мозги, вы где? Вернитесь хоть на минутку.

– А кто тебе сказал, что он будет участвовать в гонках? – Захар стреляет в меня искрящимся взглядом.

Да у него сейчас лицо от улыбки треснет. Видит, что у

меня мозги набекрень и издевается.

– Ты, – выплёвываю.

– Я не так сказал, – он отрицательно качает головой. – Ты снова услышала так, как захотела.

Эти слова выбивают меня из колеи. Растерянно моргаю, пытаюсь вспомнить разговор.

– Ты сказал, что Кирилл приедет на этих выходных. Семён спросил, будете ли вы участвовать в гонках, а ты ответил: "посмотрим". Так?

– Нет.

– Да что ж такое? Как "нет"?! – восклицаю возмущённо.

– Я сказал, что Кирилл приедет на выходных, – продолжает измываться Захар, – и мы посмотрим, будем ли участвовать в гонках.

– Я так и сказала.

– Нет.

Я его прибую. Реально.

– Захар, – взрываюсь, – что ты меня путаешь?!

– Нет, малинка, – он прищуривается от моего возгласа, но даже не повышает голос. – Ты сама себя путаешь.

– Объясни. Я не понимаю, – откидываюсь назад. Я уже устала воевать на непонятной территории.

– Я сказал, что Кирилл приедет на выходных, но не говорил на каких. А ведь на каких-нибудь он приедет. И ближайшие гонки здесь ни при чём. Это две параллельных темы.

Таращусь на него.

Убью.

Честное слово, убью.

Резко подаюсь вперёд, чтобы врезать ему по плечу, но Захар в этот момент тоже наклоняется и перехватывает меня за запястье. Сжимает так мягко, но уверенно. Не вырваться. И пальцы у него тёплые. Скользят по коже почти незаметно, но очень ощутимо.

У меня от этого движения мурашки по всему телу. И ток по венам. Забыла, зачем замахнулась.

Сидим неподвижно, почти касаясь друг друга губами. Ощущаю его дыхание. Немного неровное, сбитое. И запах. Волнующий. Выбивающий все мысли.

Стоит совсем чуть-чуть качнуться вперёд, и мир исчезнет. Весь. Останется только он. Один.

Захар смотрит, иронично прищурившись, словно понимает, о чём я думаю. Словно заранее просчитывает все мои действия.

– Малинка... ты невероятно красивая, когда злишься.

Заворожённо смотрю в его стремительно темнеющие глаза. Всё вокруг пропадает. И оставшиеся мысли тоже. Кажется, между нами даже воздух вибрирует от напряжения, а сердце колотится так, что вот-вот вырвется из груди.

– Ещё секунда, и я тебя поцелую, – Захар кидает короткий взгляд на мои губы. Говорит тихо. Так тихо, что я скорее угадываю, чем слышу.

Сглатываю сухим горлом. По губам пробегает знакомое

покалывание, будто он уже их коснулся.

Боже... Все же увидят. Узнают.

И мама...

Это нужно срочно прекращать.

Каким-то невероятным усилием воли заставляю себя подскочить. Ножки стула противно скрежещут по полу.

– Я... мне нужно... Отстань от меня, понял? – бормочу что-то совершенно бессмысленное и, не оглядываясь, почти бегу к выходу.

Спину жжёт пристальный, горящий взгляд.

Несусь по лестнице наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

Вот же... Вот же...

Гад.

И я тоже хороша. С ним всё понятно, а я-то что творю?!

В голове крутятся обрывки мыслей и возмущённых слов, но ни одно не складывается в нормальное предложение.

Залетаю в туалет, захлопываю дверь и опираюсь ладонями о раковину.

Щёки пылают.

Открываю кран и долго умываюсь холодной водой, пытаюсь остудить это предательское малиновое пламя.

Ну и как, скажите на милость, играть на его поле, если он одним предложением выбивает из меня весь здравый смысл?

Целый день на работе болтаюсь как неприкаянная. Мама уходит в пять, и я немного выдыхаю.

Ничего не сказала. Значит, не заметила и никто не рассказал. А может, я рано радуюсь? Не сегодня-завтра расскажут... И отправят меня к бабке на море. Как пить дать. Под предлогом оздоровления и укрепления иммунитета перед долгой холодной зимой. Как прошлый раз.

Не поеду.

И на Пятак сегодня не пойду.

Набираю Марго сообщение, что весь её гениальный план летит в тартарары, потому что из двух игроков – один профессиональный шулер, а второй первый раз взял в руки карты.

А значит...

Значит, буду сидеть дома до конца каникул. Осталось три недели. Что я, не продержусь?

Буду мамины цветочки полоть. Загорать в саду в шезлонге. Да, в конце концов, мама уже сто раз хотела пруд или бассейн выкопать. Может, заняться? Под конец лета, пока мама на работе, поруковожу строителями.

Марго присылает сообщение.

Подруга полностью меня поддерживает. Так и пишет: на Пятак не ходить, за ворота – ни шагу. И вообще, надеть паранджу и сидеть, как Ярославна, у открытого окна.

Ха-ха три раза.

Смешно ей. Конечно, Марго вообще не такая, как я. Ей палец в рот не клади. А мне как быть?

К семи часам довожу себя до такой истерики, что выле-

таю вперёд девчонок, даже не дождавшись, пока они закроют дверь магазина и снимут кассу.

Спускаюсь на первый этаж, слетаю с крыльца... И не знаю, как так получается...

Дурацкий, дурацкий развязавшийся шнурок на кеде...

Наступаю на него и, отчаянно взвизгнув, лечу вперёд.

Ну всё, теперь я сто процентов из дома не выйду. Асфальтная болезнь на полморды обеспечена мне до конца лета.

Но... Видно, не судьба.

Кто-то ловит меня за талию, не давая упасть, резко возвращает в вертикальное положение и прижимает к себе.

– Осторожней, – раздаётся негромко у самого уха.

В первый момент зависаю в истерике. Господи... Захар что, меня целый день здесь поджидал?

Но внезапно понимаю – руки крепкие, тёплые, но... не те...

И запах... Меня окутывает ненавязчивый приятный аромат мужского парфюма.

Это чужие руки. И чужой запах.

Внутри колет горьким разочарованием.

Я – сама нелогичность. Бегу от него, таю от него. Пропишите мне кто-нибудь пилюлю от любви. Сама я не справляюсь.

подавив горестный вздох, открываю глаза и вижу незнакомого парня.

– Здрасьте...

– Добрый вечер. Если он, конечно, добрый, – улыбается высокий широкоплечий брюнет.

Где-то я его видела...

Нет. Не помню.

– Не ушиблась?

– Нет. Спасибо большое, что поймал, – киваю, высвобождаясь из аккуратного захвата. Одёргиваю футболку, которая от падения взлетела чуть ли не до головы, и приседаю, изо всех сил затягивая идиотский шнурок.

– Не за что. Будешь в следующий раз падать – обязательно обращайся, – улыбается незнакомец.

Смеюсь, расслабляясь, а потом вспоминаю, что у меня не так уж и много времени, подрываюсь и на всех парах лечу домой.

До своей улицы добегаю без приключений. Впереди высоким забором маячат родные пенаты.

Иногда здороваюсь с редкими встреченными знакомыми, как и я, прячущимися от жарких солнечных лучей в тени густых кустов придорожной акации.

Мимо с громким рыком проносится какой-то байк.

Дёргаюсь от неожиданности и перехожу на шаг.

Но меня с дороги почти не видно. Да и байк не тот – синий, как вечернее небо. И всадник на нём в шлеме.

Захар таким не заморачивается. В шлеме я его видела разве только на гонках.

Память тут же подсовывает воспоминание о Захаре в полной гоночной экипировке.

Плотный чёрный комбинезон обтягивает широкие плечи, напряжённую спину и сильные руки. Серебристые вставки по бокам подчёркивают линию бёдер. Высокие мотоботы стоят на земле так уверенно, будто выросли в неё.

И шлем, небрежно засунутый подмышку, словно лишняя деталь. Потому что даже без него все знают, кто это.

Захар Чеботарёв.

Бот.

Каждый раз я с замиранием сердца смотрела только на него, пожирала глазами, делая вид, что разглядываю байк. Сердце глупо и бестолково трепыхалось где-то в горле, и приходилось время от времени тихо вздыхать, чтобы хоть немного успокоиться.

Увлечённая своими мыслями и разглядыванием незнакомого мотоцикла, не замечая, как из кустов выныривает чья-то рука, хватает меня за запястье и дёргает на себя.

Я взвизгиваю и второй раз за полчаса куда-то лечу.

Но в этот раз меня ловят совсем не так.

Жёстко. Уверенно. Собственнически.

Я даже не открываю глаза,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.